

84(2-Рус)7

В-493

Л. ВИНОГРАДОВ

РОКОВАЯ КОРОБОЧКА

МОСКВА 1990 г.

84(2=Рус)7
В-493

На правах рукописи

РОКОВАЯ КОРОБОЧКА

Трагикомедия

Сценическое переложение Л.ВИНОГРАДОВА
по роману М.БУЛГАКОВА "Театральный
роман"

Пьеса отредактирована и направ-
лена для распространения Управ-
лением театров Министерства
культуры СССР

Ответственный редактор В.МИРПСКИЙ

Москва, 1990 г.

✓ ОСНОВНОЙ
ФОНД

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- | | |
|-------------------------------|---|
| МАКСУДОВ СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ | - драматург. |
| БОМБАРДОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ | - актер Независимого Театра. |
| ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ | - директор Независимого Театра. |
| СТРИЖ | - режиссер Независимого Театра. |
| ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ | - заместитель Ивана Васильевича. |
| ТОРОПЕЦКАЯ | - секретарь Аристарха Платоновича. |
| АГАПЕНОВ | - известный писатель. |
| ЛИКОСПАСТОВ | - пожилой писатель. |
| ПРЯЖИНА ЛЮДМИЛА СЕЛИВЕРСТОВНА | - актриса. |
| КНЯЖЕВИЧ | - заведующий приемом пьес. |
| ВЕШНЯКОВА | - актриса. |
| ФИЛЯ | - администратор Независимого Театра. |
| ЕЛАГИН | - актер. |
| ГЕРАСИМ НИКОЛАЕВИЧ | - актер. |
| МАРГАРИТА ПАВЛОВНА | - актриса. |
| ИППОЛИТ ПАВЛОВИЧ | - актер. |
| РОМАНУС | - дирижер оркестра Независимого Театра. |
| НАСТАСИЯ ИВАНОВНА | - тетушка Ивана Васильевича. |
| СТЕПАНЫЧ | - человек в доме Ивана Васильевича. |
| СЕМЕНОВНА | - соседка Максудова. |

Место действия - каморка Максудова в коммунальной
московской квартире, особняк Ивана Васильевича и Неза-
висимый Театр.

Время действия - 1929 год.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

=====

Сцена первая

Мансарда Максудова. На полу керосинка, на которой холодный чайник. Белая печка с темным пятном. На стене - зеркало с трещиной. Под абажуром из газеты, с папиросой в левой руке пишет хозяин мансарды. К его дверям по коридору приближается СЕМЕНОВНА.

СЕМЕНОВНА /злобно/. Кс-ссс... кс-сссс... /Ткнула куда-то веником. Еще раз. Еще раз./Кс-ссс... кс... Нету нигде заразы!... /Постучала в дверь Максудову./ Сергей Леонтьевич!...

МАКСУДОВ. Что вам, Семеновна?

СЕМЕНОВНА. Опять ваша кошка вылизала всю мою масленку?

МАКСУДОВ. Моя кошка не могла вылизать всю вашу масленку...

СЕМЕНОВНА. Это почему же, интересно бы знать?

МАКСУДОВ. Потому что моя кошка умерла три дня назад...

СЕМЕНОВНА /фальшиво/. Батюшки, жалость-то какая?! Издохла, значит? /Сображает./ Ах, ты дрянь такая!...

МАКСУДОВ. Вы это мне?

СЕМЕНОВНА. Да зачем вам? Щурка все масло слопал, а на кошку нагрешил... Ну, я тебе сейчас!... Ну, я тебе!... /Семенит к себе./

МАКСУДОВ. Не смейте бить ребенка! Слышите, Семеновна? Тем более, по голове!...

СЕМЕНОВНА. Прошу не вмешиваться в пролетарское воспитание!

Теперь не царский режим!.. Ах, ты дрянь! Ах, дрянь!.. Такой кусок масла кошке под хвост!.. /Исчезает./

КРИКИ МАЛЬЧИКА. Ой, мама, не бейте!.. Простите, мама!..

МАНСУДОВ. Нет, это невыносимо!

КРИКИ МАЛЬЧИКА. Я нечаянно съел!.. Ой, не бейте вы меня, мама!.. Я больше никогда не буду есть!..

МАНСУДОВ /зажимает уши/. Это ужасно! Это ужасно!..

/Когда МАНСУДОВ снова открывает уши - звучит уже музыка из "Фауста". Это внизу забренчали на рояле./

Вопли замученного Щурки, этот вечный запах баранины из кухни, туман в коридоре... /Подходит к зеркалу./ Что это? Это же лицо покойника! Сморщенный лоб, оскаленные зубы... Как у моей кошки перед смертью... Три дня назад я похоронил ее, моего единственного на земле друга!.. Взял у дворника лопату и зарыл зверя на пустыре за нашим домом. Но кто зарыл меня самого в этом гробу?! /Кричит./ Товарищи, я еще жив! /Отходя от зеркала./ Кажется, я приобрел скверную привычку разговаривать сам с собой? Впрочем, я разве здесь один? /Перебирает листы рукописи./ Вон сколько людей?! Родились эти люди в снах, вышли из снов и прочнейшим образом обосновались в моей келье. Первое время я просто беседовал с ними. Но однажды мне стало казаться, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, я убедился, что это картинка. Более того, картинка не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка! А внутри коробочки горит свет и движутся те самые фигурки, что описаны в моем романе. Я отчетливо слышу звуки рояля, идущие из волшебной коробочки. Правда, если бы я кому-нибудь сказал об этом, надо по-

лагать, мне посоветовали бы обратиться к врачу. Сказали бы, что играют внизу, под полом, и даже сказали бы, возможно, что играют из "Фауста". Нет, нет! Играют здесь, у меня на столе, здесь происходит тихий перезвон клавишей и звучит новая, никому в мире неизвестная музыка... И я решил эту коробочку и движущиеся в ней фигурки описать. Как же ее описать? А очень просто. Что видишь, что и пиши! А чего не видишь — писать не следует. Много ночей провозился я, играя с этими фигурками, и только поставив последнюю точку, понял, что я, оказывается сочинял пьесу.

/Погасла лампочка. МАКСУДОВ радостно./

Вот, вот!.. Лампочка перегорела, а моя коробочка светится!..

/От рукописи действительно исходит легкое свечение./

Вот, вот!..

/Стук в дверь./

Что вам еще, Семеновна?

СТРИЖ /в дверях/. А нельзя ли зажечь лампочку?

МАКСУДОВ. К сожалению, не могу этого сделать, так как лампочка перегорела, а другой у меня нет!..

СТРИЖ /вынимая из портфеля лампочку/. Нате!

МАКСУДОВ /влезая на качающийся стол/. Вы всегда носите лампочки с собой?

СТРИЖ. Чистое совпадение. Только что купил.

МАКСУДОВ /вкручивая лампочку/. Совпадение... /Мурлычет./ Совпадение... Падение сов... сов... па... /Качнулся со столом./

СТРИЖ. Осторожно! Не упадите!... /Зажегся свет /
Тома Сергеевич Стриж, режиссер Независимого Театра.

МАКСУДОВ. Прощу садиться. Чем обязан?

СТРИЖ. Я прочитал ваш роман. Вернее, первую его часть...

МАКСУДОВ. Вы знаете, впервые в жизни вижу перед собой
своего читателя...

СТРИЖ. Тем паче. Мне дозарезу необходимо знать продолже-
ние. Еще до выхода следующих номеров журнала. У вас будет в
трех или в четырех номерах?

МАКСУДОВ. Видите ли, по независящим от автора обстоятель-
ствам продолжение не последует...

СТРИЖ. Запретили? Прекрасно, прекрасно... Я, между прочим,
так и думал! Покажите роман!

МАКСУДОВ. Ни за что!

СТРИЖ. По-ка-жи-те!

МАКСУДОВ. Я не имею права... Раз цензура не пропускает...
Это уже будет распространение запрещенной литературы...

СТРИЖ. Мне можно! Я сам боец идейного фронта! Кто, отве-
чайте мне, кто поставил "Стеньку Разина"? Я вас спрашиваю?

МАКСУДОВ. Вы?

СТРИЖ. Тома. Стриж. Так что, показывайте ваш роман!

МАКСУДОВ. Видите ли, у меня нет перепечатанного на машинке
экземпляра...

СТРИЖ. Давайте рукопись!

МАКСУДОВ. Но у меня скверный почерк, буква "о" выходит
как простая палочка...

СТРИЖ. Давайте!

МАКСУДОВ. Но зачем вам? Неужели вам до такой степени

интересно, чем все кончится?

СТРИЖ. Чем все кончится, это я без вас знаю!...

МАКСУДОВ. Но тогда скажите, зачем?

СТРИЖ /шепотом/. Вы знаете, что по вашему роману можно написать пьесу?

МАКСУДОВ. Знаю.

СТРИЖ. О, вы не так просты, как хотите казаться!

МАКСУДОВ. Я не хочу казаться...

СТРИЖ. Вы напишите пьесу, а мы ее и поставим, а?

МАКСУДОВ. Я уже ее написал.

СТРИЖ /грозно/. Как написали?! Для кого?

МАКСУДОВ. Я сам задаю себе этот вопрос.

СТРИЖ /успокаиваясь/. Значит, у вас еще кто никто не был?

МАКСУДОВ. Никто. Я совершенно один на земле...

СТРИЖ. И из Экспериментального Театра не были?

МАКСУДОВ. Вы первый в моей келье... за много-много дней...

СТРИЖ. Это замечательно! Значит, вы будете наш! Сначала мы прочитаем вашу пьеску на Учебной сцене, а там, глядишь, и на Главной... И, чем черт не шутит, вдруг старика удастся обломать? И, если мы с вами старика переупрямим, то, чего доброго, не пошла бы она и на Главной сцене? А? Как вам такая перспективка?

МАКСУДОВ. А кто этот загадочнейший старик, которого нужно переупрямить, чтобы пьеса пошла?

СТРИЖ. Вы действительно такое дитя природы или... /Испытующе смотрит на Максудова./ Я имею в виду Ивана Васильевича?

МАКСУДОВ. Не имею чести знать никакого Ивана Васильевича.

СТРИЖ /потрясен/. Вы не знаете Ивана Васильевича?

МАКСУДОВ. Я, видите ли, недавно в Москве, ни в каких театрах не был...

СТРИЖ. Ну а хоть какой год у нас на дворе, вы знаете?

МАКСУДОВ. Тысяча девятьсот двадцать девятый от Рождества Христова.

СТРИЖ. Ну и ну! Ну и ну! Не слыхали, что Иван Васильевич стоит во главе Независимого Театра?

МАКСУДОВ. ... Увы, не повелось.

СТРИЖ. Вы, не обижайтесь, прямо мастодонт какой-то! Но я вас откопаю!.. Если даже не удастся со стариком сладить, Учебная сцена - это тоже неплохо! Вы не смотрите, что зал маленький, зато сборы всегда полные!..

МАКСУДОВ. Право, какие сборы?

СТРИЖ. Большие! Боль-ши-е!.. Так! Как вы назвали пьесу?

МАКСУДОВ /удивлен/. Так же как и роман. "Черный снег".

СТРИЖ. Название надо придумать другое.

МАКСУДОВ. Почему?

СТРИЖ. Таковы особые законы сцены! Но временно оставим "Черный снег", как условное... Когда читаем?

МАКСУДОВ. Если вы располагаете временем, то я мог бы...

СТРИЖ. Голубчик, пьеску полагается прочесть на коллективе! А я уж и так вижу, что она разойдется лучше не надо! Стриж - старый зубр!.. Хорошо!.. Вы получите письменное приглашение! Завтра же курьер доставит! Но помните - я вас откопал! Теперь вы наш! Дайте слово!

МАКСУДОВ/благодарно/. Вы! Вы откопали! Честное благодарное! Ваше появление - это просто перст судьбы!.. /Метнулся к керосинке, стал накачивать./ Сейчас поставлю чай! Увы, у меня нечем...

/Но СТРИЖ уже исчез./

ГОЛОС СТРИЖА. И никаких Экспериментальных Театров!

Сцена вторая

Уходящий в полумрак коридор Независимого Театра. По стенам развешены портреты. Озирающийся на них МАКСУДОВ сталкивается с надевающим на ходу пальто Княжевичем..

КНЯЖЕВИЧ /раздраженно/. Почему посторонние бродят по театру?

МАКСУДОВ. Покорнейше прошу извинить. Где я могу видеть заведующего приемом пьес Антона Антоновича Княжевича?

КНЯЖЕВИЧ/сама любезность/. А вы, наверное, товарищ Максудов?

МАКСУДОВ. Да.

КНЯЖЕВИЧ. Чрезвычайно приятно, чрезвычайно. Антон Антонович перед вами. А мы вас давно поджидаем, поджидаем... Слышал, слышал вашу пьесу! Прекрасная пьеса! Правда, таких пьес мы никогда не ставили... Ну, а эту, вдруг возьмем да и поставим, да и поставим... И разбогатеете до ужаса! Я уж не говорю о тех жалких двух тысячах, которые, вероятно, вам отвалит доб-

рейший Гавриил Степанович, но... Вы только вообразите, после нашей-то постановки, ведь вся провинция будет ставить вашу пьесу... Во всех городах и даже восях на афишах будет! Максудов, "Черный" снег", постановка осуществлена по мизансценам Независимого Театра. Да-с!.. И в каретах будете ездить! Да-с, в каретах! Что же мы тут стоим? Мы вас сейчас отправим к Гавриилу Степановичу, прямо, так сказать, ему в руки передадим... /Дернул какую-то дверь./ Закрыто. Чудеснейший человек Гавриил-то наш... Степанович... Мухи не обидит! Мухи! /Приближающемуся из глубины коридора Бомбардову./ Петр Петрович, вы не видели Гавриила Степановича?

БОМБАРДОВ. Его еще нет в театре.

КНЯЖЕВИЧ. А нет, так будет!.. Не пройдет и получасу, как будет!.. А вы, товарищ Максудов, знаете ли что? Пока суд да дело, погуляйте-ка по театру, полюбуйтесь на эти стены!.. Попейте чаю в буфете, да бутербродов-то, бегурбродов не жалейте!.. Не обижайте нашего буфетчика Ермолая Ивановича! Кудесник, истинный кудесник наш Ермолай-то... Иванович! /Бомбардову./ Петр Петрович, вы не составите кампанию нашему драматургу? А то я опаздываю в Главрепертком...

БОМБАРДОВ. Охотно.

КНЯЖЕВИЧ. Чудесно, чудесно... Многожды еще надеюсь видеть вас, товарищ Максудов!.. /Убегает./

БОМБАРДОВ. Петр Бомбардов, актер.

МАКСУДОВ. Максудов.

БОМБАРДОВ. Я был на читке вашей пьесы...

МАКСУДОВ. Скажите, пожалуйста, честно ваше мнение?

БОМБАРДОВ. По моему мнению... это... хорошая пьеса.

/Уходя от дальнейших объяснений./ Не хотите ли ознакомиться с нашей портретной галереей?

МАКСУДОВ. Я сам хотел кого-нибудь просить об этом. Кто эта женщина, которая будто провожает вас своими экстатическими очами?

БОМБАРДОВ. Сара Бернар.

МАКСУДОВ. А это кто, с усами?

БОМБАРДОВ. Севастьянов Андрей Пахомович, заведующий осветительными приборами театра...

МАКСУДОВ. О! Соседа Севастьянова я узнал сам. Это Мольер?

БОМБАРДОВ. Вы совершенно правы.

МАКСУДОВ. Виноват. А это кто?

БОМБАРДОВ. Где?

МАКСУДОВ. Вот. В тоге и с пятиструнной лирой?

БОМБАРДОВ. Император Нерон.

МАКСУДОВ /изумленно/. А почему Нерон?

БОМБАРДОВ. По приказу Ивана Васильевича. Нерон был певец и артист. Идем дальше!... Это, пожалуйста, Грибоедов... Шекспир... Плисов, заведует театральным кругом уже сорок лет... Работяга, в свой круг буквально влюблен... Ухитрился, пробыв в Париже, не увидеть Эйфелевой башни!... Все время просидел в трюмах под сценами, изучая театральную машинерию французов...

МАКСУДОВ. В уланском кивере кто это?

БОМБАРДОВ. Покойный генерал-майор Клавдий Александрович Комаровский-Эшапарр де Бионкур, командир лейб-гвардии

уланского его величества полка

МАКСУДОВ. А он почему?

БОМБАРДОВ. История его совершенно необыкновенная.

Как-то приехал он на два дня из Питера в Москву. Пообедал у Тестова, а вечером попал в наш театр. Ну, натурально, сел в первом ряду, смотрит. Не помню, какую пьесу играли, но очевидцы рассказывали, что во время картины, где был изображен лес, с генералом что-то сделалось... Лес в закате, птицы перед сном засвистали, за сценой благовест к вечерне... А генерал сидит и батистовым платочком утирает глаза. После спектакля пошел в кабинет к Аристарху Платоновичу...

МАКСУДОВ. Виноват, а кто это Аристарх Платонович?

БОМБАРДОВ /стер с лица удивление/. Во главе нашего театра стоят двое директоров - Иван Васильевич и Аристарх Платонович. Вы, простите, не москвич?

МАКСУДОВ. Нет, я нет. Продолжайте, пожалуйста.

БОМБАРДОВ. Капельдинер потом рассказывал, что входя в кабинет Аристарха Платоновича, генерал сказал глухо и страшно: "Научите, что делать?" Ну, тут они заперлись, и о чем говорили неизвестно, но известно, что ночью же генерал послал телеграмму такого содержания: "Петербург. Его Величеству. Почувствовав призвание быть актером Вашего Величества Независимого Театра, всеподданнейше прошу об отставке. Комаровский-Бюнкур."

МАКСУДОВ/ахнул/. И что же государь?

БОМБАРДОВ. Компот такой получился, что просто прелесть. Телеграмму подали в два часа ночи. Император в одном белье волнуется: "Что там с моими уланами?" Прочитал и тут же на

телеграмме начертал резолюцию: "Чтоб духу его в Петербурге не было."

МАКСУДОВ. А откуда это известно?

БОМБАРДОВ. Телеграмма хранится в нашем музее. А генерал на следующее утро в гражданском пришел прямо на репетицию...

МАКСУДОВ. Какие же роли он играл?

БОМБАРДОВ. Естественно, царей и камердинеров. У нас, знаете ли, все больше насчет Островского, купцы-с... Ну, манеры у нас, сами понимаете... А он все насквозь знал, даме ли платок, налить ли вина, по-французски говорил лучше французов... Странная история...

МАКСУДОВ /горячо/. Ничего странного! У вас так хорошо в театре, что будь я на месте генерала, я поступил бы точно так...

БОМБАРДОВ. И была у него еще страсть: до ужаса любил изображать птиц за сценой...

/По коридору к дверям кабинета подошел ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ./

Добрый день, Гавриил Степанович!

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ /отпирая дверь/. День добрый!

БОМБАРДОВ /подталкивая Максудова/. Гавриил Степанович пришел! Идите, идите скорей! Будьте тверды!..

МАКСУДОВ /робко постучался/. Можно?

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Да, да, прошу!..

МАКСУДОВ. Меня послал к вам Антон Антонович...

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Садитесь, садитесь, что же вы стоите?

/Углубился в чтение./ Извините... /Вдруг игриво./ Ну что ж, договорчик, стало быть, надо подписать? Только уж не знаю, как его подписывать? Не согласовав с Иваном Васильевичем? Не было б беды?! /Пожал Максудову колонку./ Ну, уж разве для вас? /Протянул бланк./ Вот ознакомьтесь, пожалуйста, с условиями договора...

МАКСУДОВ. Да что там? Зачем? Я и так подпишу...

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Нет, нет, вы уж прочтите! Очень обяжете, если вслух... Я бы тоже хотел освежить в памяти. Давненько мы с живыми авторами дела не имели. Все, знаете ли, "Мертвые души" да "Живые трупы"...

МАКСУДОВ /читает/. "Актор не имеет права предавать свою пьесу..."

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Как вы сказали?

МАКСУДОВ. Простите. /Читает./ "Автор не имеет права передавать свою пьесу в другой театр Москвы. Автор не имеет права передавать свою пьесу в какой-либо театр Ленинграда. Автор не имеет права передавать свою пьесу в какой-либо театр РСФСР. Автор не имеет права..."

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Ну, дальше все республики... и автономные образования... А вот вы, пожалуйста, пункт пятьдесят восьмой зачитайте!..

МАКСУДОВ /ищет/. Пятьдесят восьмой? "Автор обязуется безоговорочно и незамедлительно производить в своей пьесе поправки, изменения, добавления или сокращения..." /Переводит дух./

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ /наизусть/. "Буде дирекция..."

МАКСУДОВ /читает/. "... б.де дирекция, или какие-либо комиссии, или учреждения, или организации, или корпорации, или отдельные лица, облеченные на то полномочиями, потребуют таковых, не требуя за сие никакого вознаграждения, кроме того, каковое указано в пункте пятнадцатом." А каковое? Тут не указано?

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. А какое вознаграждение вы считали бы для себя приемлемым?

МАКСУДОВ. Княжевич сказал, что мне дадут две тысячи рублей...

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Эх, деньги, деньги! Сколько зла из-за них в мире?! Все мы только и думаем о деньгах, а вот о душе подумал ли кто?! Четыреста рубликов? А? Только для вас?

МАКСУДОВ /ошеломленно/. А может быть... тысячу восемьсот? Княжевич говорил...

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ /горькс/. Популярности ищет! Четыреста двадцать пять?

МАКСУДОВ. А может быть... тысячу триста? Мне, право, неловко, но я сейчас не при деньгах... а мне портному платить...

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Вот этот костюм сшил?

МАКСУДОВ. Этот.

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. И сшил-то, шельма, плохо! Гоните вы его в шею!...

МАКСУДОВ /собрал все мужество/. Тысячу двести. Я без них не смогу выбраться! Трудные обстоятельства!...

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. А вы на бегах не пробовали играть?

МАКСУДОВ. Нет, не приходилось!...

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. У нас один актер тоже попал в трудные обстоятельства... Поехал на бега, и, представьте, выиграл полторы тысячи?! Эх, деньги, деньги!.. И зачем они?

Вот у меня их нету! /Вывернул левый карман./ И так легко на душе!..

МАКСУДОВ. Тысячу!

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Э-эх, пропади все пропадом! Пусть меня потом хоть расказнят, но выдам вам пятьсот рублей! Подписывайте!

МАКСУДОВ. Вот здесь? /Подписывает./

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Можете сегодня же получить...

МАКСУДОВ. Ой, как это кстати!

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Семьдесят пять рублей...

МАКСУДОВ. Как семьдесят пять?

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. А через два дня еще сто рублей.

МАКСУДОВ. Как-ак?

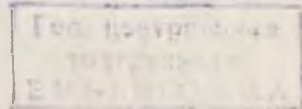
ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Потом . в субботу еще сто, оставшиеся - четырнадцатого!.. Извините, столько дел!.. /Углубился в бумаги./ Можете идти прямо в кассу! Я позвоню!

МАКСУДОВ. Спасибо. /Выходя из кабинета, сталкивается со Стрижом./ Тома Сергеевич?

СТРИЖ. А, Максудов? Я вас ищу по . всему театру! Договор подписали?

МАКСУДОВ. Подписал.

СТРИЖ. Ну, все в порядке! Теперь вы окончательно наш! Не волнуйтесь и не беспокойтесь, ваша пьеса в надежных руках! Вам бы вот что сделать?! Заключить бы с нами договор на всю грядущую продукцию! Чтобы вся она шла к нам! Никаких там



Экспериментальных театров! Ежели желаете, мы это сейчас же и сделаем? /Решительно./ Идемте к Гавриилу Степановичу!...

МАКСУДОВ. Нет, нет! В другой раз может?

СТРИЖ. Нам это раз плюнуть! Ну те-с, ставить пьеску буду я! Мы ее в три месяца обломает! Пятнадцатого декабря покажем генеральную! Шиллер нас не задержит! С Шиллером дело гладкое!...

МАКСУДОВ. А мне кто-то после читки сказал, что Евлампия Петровна будет... ставить?

СТРИЖ/заорал/. Какая такая Евлампия Петровна?! Никаких Евлампий! Я, значит, вас откопал, а она будет лавры срывать?! Евлампия сюда не имеет отношения! А ежели кто подкоп подведет, то я в Индию напишу!...

МАКСУДОВ. Куда напишете?

СТРИЖ. В Индию! Заказным, ежели на то пошло! А ну, давайте сюда пьесу! /Тянет сверток у Максудова./

МАКСУДОВ. Это рукопись. Она еще не перепечатана!

СТРИЖ. Об чем же вы думали? Вы в предбаннике были?

МАКСУДОВ. Где?

СТРИЖ. В предбаннике. У Поликсены Торопецкой?

МАКСУДОВ. Нет, не был.

СТРИЖ. Да вы что?! Сию же минуту! Впрочем, она сегодня выходная. Завтра же с рукописью к ней, моим именем! Действуйте! Смелей! Один экземпляр вам, один остается у нее в сейфе, остальные - мне! И никаких Евлампий!

ГОЛОС ИЗ ДИНАМИКА. В репетиционный зал прошу, Фома Сергеевич!

СТРИЖ /убегая/. Завтра же, с утра! Моим именем!...

БОМБАРДОВ /караулит за спиной/. Подписали?

МАКСУДОВ. Подписал.

БОМБАРДОВ. Сколько?

МАКСУДОВ. Пятьсот.

БОМБАРДОВ. Эх вы, голова садовая! Сказано же было: будьте тверды!

МАКСУДОВ. А я как раз этой фразы не понял.

БОМБАРДОВ. А как раз эту фразу вы и должны были понять!... Теперь уже поздно объяснять. Прошляпили!

МАКСУДОВ. Но ведь Гавриил Степанович такой... все о душе говорит?

БОМБАРДОВ. Орел, кондор! Он на скале сидит, видит на горизонт километров кругом! И лишь покажется точка, шевельнется, он взвивается вверх и камнем вниз! Жалобный крик, хрипенье и вот он уже вновь взмыл в небеса! Понятно, с жертвой в когтях!...

МАКСУДОВ. А Княжевич говорит - мухи не обидит?

БОМБАРДОВ. А вам, я предсказываю, трудно придется в театре...

МАКСУДОВ. Вы не могли бы объяснить мне, что такое "Индия"? Стриж грозился в "Индию" заказным написать?

БОМБАРДОВ. Индия это Индия. Аристарх Платонович сейчас находится в Индии, вот Фома и собирался писать ему туда...

МАКСУДОВ. Ну, а предбанник - это тоже предбанник?

БОМБАРДОВ. Это просто актерская шутка. Предбанник - это комнатка перед верхним директорским кабинетом...

МАКСУДОВ. А есть еще нижний директорский?

БОМБАРДОВ. Вы только что из него вышли. Это кабинет Ивана Васильевича. Он бывает здесь два раза в год и замешает его

Гавриил Степанович. А в верхнем кабинете Аристарха Платоновича работает Поликсена Васильевна Торопецкая. Точнее в предбаннике...

МАКСУДОВ. Это к ней я иду завтра перепечатывать рукопись?

БОМБАРДОВ. К ней. И очень вам советую, постарайтесь произвести на Торопецкую хорошее впечатление...

МАКСУДОВ. Да я не умею...

БОМБАРДОВ. Нет, уж вы постарайтесь!...

Сцена третья

С рукописью под мышкой перед афишей Независимого Театра замер МАКСУДОВ. Заметив приближающихся братьев-писателей - АГАПЕНОВА, в круглых очках, и ЛИНУСПАСТОВА, пожилого, небритого и третьего с ними МОЛЧАЛИВОГО, МАКСУДОВ прячется в нише.

АГАПЕНОВ. Ну-ка, чем нас порадует в этом сезоне наш великий Независимый? Эсхил "Агамемнон", Софокл "Филоклет"...

ЛИНУСПАСТОВ. Да все то же, что в прошлом сезоне...

АГАПЕНОВ. погоди, погоди, не мешай... Лопе де Вега "Сети Фенизы", "Король Лир", Шиллер "Орлеанская дева"...

ЛИНУСПАСТОВ. Ну я же и говорю...

АГАПЕНОВ. Идем, идем... Островский "Не от мира сего", "Черный снег" Максудов... Максудов какой-то?

ЛИНУСПАСТОВ /с неподдельным ужасом/. Нет, вы видели?! Что же это такое, Егор Нилыч?! Да они с ума сошли?!

АГАПЕНОВ. Ты его знаешь?

Гавриил Степанович. А в верхнем кабинете Аристарха Платоновича работает Поликсена Васильевна Торопецкая. Точнее в предбаннике...

МАКСУДОВ. Это к ней я иду завтра перепечатывать рукопись?

БОМБАРДОВ. К ней. И очень вам советую, постарайтесь произвести на Торопецкую хорошее впечатление...

МАКСУДОВ. Да я не умею...

БОМБАРДОВ. Нет, уж вы постарайтесь!...

Сцена третья

С рукописью под мышкой перед афишей Независимого Театра замер МАКСУДОВ. Заметив приближающихся братьев-писателей - АГАПЕНОВА, в круглых очках, и ЛИКОСПАСТОВА, пожилого, небритого и третьего с ними МОЛЧАЛИВОГО, МАКСУДОВ прячется в нише.

АГАПЕНОВ. Ну-ка, чем нас порадует в этом сезоне наш великий Независимый? Эсхил "Агамемнон", Софонил "Филоклет"...

ЛИКОСПАСТОВ. Да все то же, что в прошлом сезоне...

АГАПЕНОВ. погоди, погоди, не мешай... Лопе де Вега "Сети Фенизы", "Король Лир", Шиллер "Орлеанская дева"...

ЛИКОСПАСТОВ. Ну я же и говорю...

АГАПЕНОВ. Идем, идем... Островский "Не от мира сего", "Черный снег" Максудов... Максудов какой-то?

ЛИКОСПАСТОВ /с неподдельным ужасом/. Нет, вы видели?! Что же это такое, Егор Нилыч?! Да они с ума сошли?!

АГАПЕНОВ. Ты его знаешь?

ЛИКОСПАСТОВ. Да знаю...

АГАПЕНОВ. Почему я его не знаю?

ЛИКОСПАСТОВ. Да тот самый... роман которого запретили...

АГАПЕНОВ. Этот? Как же он может после этого пьесу писать?

ЛИКОСПАСТОВ. Вот и я удивляюсь! Разве нам сейчас это требуется?!

АГАПЕНОВ. А ты сам-то читал его?

ЛИКОСПАСТОВ. Да приглашал он меня к себе... Еще пару писателей... Читал нам сам...

АГАПЕНОВ. Ну и как?

ЛИКОСПАСТОВ. Руку бы тогда дал на отсечение, что его к печатному органу близко не подпустят! Как его напечатали - ума не приложу?! А теперь он сюда пролез! Ты его в дверь, а он в окно!.. Бьешься, бьешься, как рыба об лед! А тут... Обидно!..

АГАПЕНОВ. А пише-то: ничего?

ЛИКОСПАСТОВ. Какое?! Дешевая философия, достоевщина, подражание белоэмигранту Аверченко!.. Одним словом, десять ножей в спину революции!..

МАКСУДОВ /обнаруживая себя/. Здравствуй, Ликоспастов.

ЛИКОСПАСТОВ/тыкнул в афишу/. Что это, брат: такое?

МАКСУДОВ. Афиша.

ЛИКОСПАСТОВ. Благодарю, не ожидал! Эсхил, Софокл и ты?!

МАКСУДОВ. Но разве я эту афишу сочинял?

ЛИКОСПАСТОВ. Как ты это проделал, не понимаю, но это гениально! Теперь ты, конечно, приятелей узнавать не будешь?!

МАКСУДОВ. А ты бы перестал дурака валять!..

ЛИКОСПАСТОВ. Ну вот, слова уж не скажи! Ну, я зла на

тебя не питаю... Вот познакомься!.. Егор Нилыч Агапенов, наш известный драматург, главный редактор журнала "Дик Мельпоме-ны"...

АГАПЕНОВ /протягивая два пальца/. Агапенов.

МАКСУДОВ /протягивая один палец/. Максудов.

ЛИКОСПАСТОВ. На Учебной сцене, конечно, играть будут?

МАКСУДОВ. Говорят, что на Главной...

ЛИКОСПАСТОВ /хрипя от ненависти/. Ну что ж, давай бог!.. Не вышло с романом, кто знает, может быть, с пьесой выйдет? Только ты не загордись! Ты вот пьесы Егора Нилыча читал?

МАКСУДОВ. Увы, я в театре еще ни разу не был...

ЛИКОСПАСТОВ. Времени нет на современную литературу? Все с классиками беседуешь? Ну, шучу, шучу...

АГАПЕНОВ. Максудов, можно вас на минутку?

МАКСУДОВ. Да, пожалуйста.

АГАПЕНОВ /отведя его в сторонку/. Обратите внимание на этот персонаж... /Указал на Молчаливого./

МАКСУДОВ. Драматург тоже?

АГАПЕНОВ. Лучше. Гораздо. Кооператор из Тетюшей... Де-верь мой. Такой тип поразительный! Вы из него в одну ночь можете настричь десяток рассказов и каждый у вас с руками будут вырывать!.. Вы не смотрите, что он сейчас молчит - истории рассказывает потрясающие! А вам, в вашем положении, просто необходимо дать что-нибудь на современную тему... Ловите его, а то другие перехватят и изгадят! У вас же дар!.. Вы холостой?

МАКСУДОВ. Холостой...

АГАПЕНОВ /радостно/. Чудесно! Я вас сейчас познакомлю и бедите вы его к себе ночевать! У вас диван какой-нибудь есть?

АГАПЕНОВ. Широкий?

МАКСУДОВ. Простите, к сожалению, ни в коем случае не могу его взять. Я живу в проходной комнате, а чужой не за ширмой спят дети хозяйки... и у них, у детей спит на...

АГАПЕНОВ /весело/. Василий, у тебя была скарлатина? Молчаливый.. Была.

АГАПЕНОВ. Вот видите?

МАКСУДОВ. Категорически отказываюсь его взять!

АГАПЕНОВ /жалобно/. Ну, как-нибудь? А? Да? Но...

МАКСУДОВ. Провольте, он же к вам приехал? Где спит?

АГАПЕНОВ. Да у меня и спит, черт возьми! Да только с сестрой приехали сегодня... И носят их черт! Не во...

МАКСУДОВ. Никогда не могу!

АГАПЕНОВ /отходит/. Жалеть будете! Пошли, брат /Со злостью./ Где уж нам с Шекспирами дружбу водить!

Сцена четвертая

В "предбаннике". За конторкой на пишущей машинке строит ТОРОПЕЦКАЯ. Постучав, входит МАКСУДОВ.

МАКСУДОВ. Здравствуйте, меня послал к вам Фома Сергеевич.

ТОРОПЕЦКАЯ /не прерывая работы/. Здравствуйте! Пожалуйста, сядьте и подождите немножко. Я сейчас заканчиваю...

/МАКСУДОВ садится на диванчик, разглядывает висящие над спинкой фотографии и картины./
Да-да-да!.. Это Аристарх Платонович с Тургеневым на охоте!..

МАКСУДОВ /вздвигнув от неожиданности/. Не может этого быть?!

ТОРОПЕЦКАЯ. Да-да. А это Гоголь читает юному Аристарху Платоновичу второй том "Мертвых душ"...

МАКСУДОВ. Сколько же лет Аристарху Платоновичу?

ТОРОПЕЦКАЯ. У таких людей, как Аристарх Платонович лет не существует...

/Телефонный звонок. Взяв трубку одной рукой, ТОРОПЕЦКАЯ продолжает печатать другой./

Да, да... Калькутта, Пенджаб, Мадрас, Аллогобад... Нет, адреса не даем!.. /Вешает трубку./ Вас, по-видимому, очень удивляет, что за время деятельности Аристарха Платоновича многие пользовались его обществом?

МАКСУДОВ. Помилуйте!.. Совершенно наоборот!..

ТОРОПЕЦКАЯ /на телефонный звонок/. Да. Да с... нею. Потом

Андаманские острова. К сожалению, адрес дать не могу. /Кладет трубку, вынимает из машинки бумагу./ Ну вот, анкету я напечатала. Займемся вами.

/Звонок./

Да? Калькутта не понравилась. Самочувствие хорошее. /Вешает трубку./ Давайте сюда рукопись!..

МАКСУДОВ /вставая/. Я лучше буду вам диктовать.

ТОРОПЕЦКАЯ /на звонок/. Товарищ Бутович, вам будут оставлены билеты у Фили в конторе. Всего доброго! /Кладет трубку./ Давайте, ну что же вы?

МАКСУДОВ. У меня стертительный почерк, буква "о" выходит как простая палочка...

ТОРОПЕЦКАЯ. Ничего, кладите сюда. Я любой почерк разбираю как печатное...

/Звонок./

Да? Независимый Театр. Нет у меня никаких билетов! /Вешает трубку./ Вы сядьте, товарищ Максудов, если у меня возникнут вопросы...

/Звонок./

Да? Все билеты проданы!.. У меня нет контрамарок! /Вешает трубку./ Вот, возьмите пока почитайте свежий номер "Лица Мельпомены"...

/Вбегает ПРЯХИНА./

ПРЯХИНА /жеманно/. Нет, нет, неужели вы не видите?! Неужели вы не видите?!

ТОРОПЕЦКАЯ /сухо/. А что такое?

ПРЯХИНА. Да ведь солнышко! Солнышко! Бабье лето!..

ТОРОПЕЦКАЯ /подавая лист/. Вот, анкету нужно заполнить!..

ПРЯХИНА. Какую еще анкету?! Ах, боже мой, боже мой!

Только что я радовалась солнышку, сосредоточилась в себе, что-то только что нажила, вырастила зерно, чуть запели струны...

Я шла, как в храм... Ну, давайте, давайте вашу анкету!

ТОРОПЕЦКАЯ. Не нужно кричать, Людмила Селиверстовна!

ПРЯХИНА. Я не кричу! Я не кричу! /Глядя в лист./ И ничего я не вижу! Мерзко напечатано!

ТОРОПЕЦКАЯ. Неправда! Я только что заправила новую ленту!

ПРЯХИНА /возвращает лист/. Ах, пишите: вы сами! Пишите, я ничего не понимаю в этих анкетах!..

ТОРОПЕЦКАЯ /взяла перо/. Фамилия, имя, отчество?

ПРЯХИНА. Ну, Пряхина, Пряхина! Людмила Селиверстовна! И все это знают! И ничего я не скрываю!

ТОРОПЕЦКАЯ. Когда вы родились?

ПРЯХИНА. Пресвятая богоматерь! Что же это такое?! Я не понимаю, кому это нужно знать, зачем? Ну, хорошо, хорошо. Я родилась в мае, в мае! Что еще нужно от меня?! Что?

ТОРОПЕЦКАЯ. Год нужен.

ПРЯХИНА /в ужасе поглядела на Максудова/. Ох, как бы я хотела, чтобы Иван Васильевич видел, как артистку истязают перед репетицией?!

ТОРОПЕЦКАЯ. Нет, Людмила Селиверстовна, так невозможно!.. Возьмите вы анкету домой и заполняйте ее сами!

/Телефонный звонок./

Нет, никаких билетов у меня нет!.. Что? Гражданин, вы отнимаете у меня время?! Я вам повторяю... Ах, простите! Я не узнала

голоса... Да, конечно, конечно!.. Прямо в контроле будут оставлены! И программку я распоряджусь, чтоб оставили! А Феофил Владимирович сам не будет? Мы будем очень жалеть!.. Очень! Всего, всего вам доброго!.. /Сконфуженная повесила трубку./ Из-за вас я нахамил не тому, кому следует!

ПРЯЖИНА. Ах, оставьте!.. Потоплено зерно, испорчен день!

ТОРОПЕЦКАЯ. Да, завтруппой просил вас зайти к нему.

ПРЯЖИНА. Зачем же это я ему понадобилась?

ТОРОПЕЦКАЯ. Костюмерша Королькова на вас пожаловалась!..

ПРЯЖИНА. Кто это? Ах да, вспомнила! Да и как не вспомнить эту Королькову, которая испортила мне подол? Что же она наядбедничала на меня?

ТОРОПЕЦКАЯ. Жалуются, что вы ее ушипнули со злости при парикмахерах...

ПРЯЖИНА /закричала/. Меня сжигают со света! Бог господь! Бог господь! Да взгляни же хоть ты, пречистая мать, что со мною делают в театре?! Но я брожусь в ноги Ивану Васильевичу! Умолю его выслушать меня! Низкие люди! Низкие люди! /Выбегает./

ТОРОПЕЦКАЯ. Ну, я освободилась, займемся вашей рукописью!..

СТРИЖ /влетая/. Какой акт печатаете?

ТОРОПЕЦКАЯ. Только приступаем!

СТРИЖ. Мне надо насчет штанов позвонить?!

ТОРОПЕЦКАЯ. Звоните. /Застучала на машинке./

СТРИЖ. Альберт Альбертович? Да, Стриж. Именно. Мне все равно... я человек без предрассудков... Это даже оригинально - приехали на бега в подштанниках. Но Индия не примет!

Всем шил одинаково - и князю, и мужу, и барону... Совершенные подштанники! А вы ему скажите, что нужны брюки! Что он врет? Петя Дитрих не может такие подштанники рисовать! Он брюки нарисовал. Эскизы у меня на столе. Мне дела нет! Пусть передыльзывают! Вы хотите, чтобы я эти подштанники в Индию отправил? Тогда гоните его ко всем чертям! /Повесил трубку./
Голова разваливается!

ТОРОПЕЦКАЯ /одной рукой протянула пачку/. Вот, возьмите фенацетин!

СТРИЖ /проглотив несколько таблеток/. Благодарю. Значит, один экземпляр товарищу Максудову, один у вас в сейфе, и все остальные - мне! /Убегая, сталкивается в дверях с Вешняковой, подбирает и возвращает ей букетик, выпавший у нее./
Виноват!

ВЕШНЯКОВА. Спасибо, спасибо, Фома Сергеевич!.. Здравствуйте, душечка, Поликсена Васильевна. /Целует Торопецкую в щеку./

ТОРОПЕЦКАЯ. Здравствуйте.

ВЕШНЯКОВА/Максудову/. Здравствуйте.

МАКСУДОВ /привстал с диванчика/. Здравствуйте. Максудов.

ВЕШНЯКОВА /кладет на конторку букетик/. Я вам любимые желтые астрочки принесла. Обо мне нет ли чего из Индии?

ТОРОПЕЦКАЯ. Есть. /Достала конверт, полувынула лист, читает./ "Скажите Вешняковой, что я решил загадку роли Ксении..."

ВЕШНЯКОВА/восторженно/. Ах, я ждала! Я ждала!..

ТОРОПЕЦКАЯ. "Мы гуляли с . . . Просковьей Федоровной по

берегу Ганга и там меня осенило. Дело в том, что Вешнякова не должна выходить из средних дверей...

ВЕШНЯКОВА. Боже, как верно!..

ТОРОПЕЦКАЯ. "...а сбоку, там, где пианино. Пусть не забывается, что она недавно лишилась мужа..."

ВЕШНЯКОВА. Верно, верно!..

ТОРОПЕЦКАЯ. "...и из средних дверей не решится выйти ни за что. Она идет монашеской походкой, опустив глаза долу,

/ВЕШНЯКОВА кружит по "предбаннику", опустив глаза долу./

держа в руках букетик полевой ромашки,

/ВЕШНЯКОВА берет с конторки букетик./

что типично для всякой вдовы..."

ВЕШНЯКОВА. То-то мне неудобно было в средних дверях...

ТОРОПЕЦКАЯ. Вы послушайте. "А впрочем, пусть Вешнякова выходит откуда хочет. Я приеду, тогда все станет ясно. Ганг мне не понравился. По-моему, этой речке чего-то не хватает..." Ну, дальше к вам не относится...

ВЕШНЯКОВА. Поликсена Васильевна, душечка, напишите Аристарху Платоновичу, что я безумно, безумно ему благодарна!

ТОРОПЕЦКАЯ. Напишу./Застрочила./

ВЕШНЯКОВА. А нельзя ли мне написать самой?

ТОРОПЕЦКАЯ. Нет. Он изъявил желание, чтобы ему никто не писал, кроме меня... Это бы его утомляло во время раздумий...

ВЕШНЯКОВА. Понимаю, понимаю!.. Безумно благодарна! /Ушла./

ЕЛАГИН /рывком распахивая дверь/. Анекдот хотите продам?

ТОРОПЕЦКАЯ. А, Елагин? Аристарх Платонович пишет и про вас...

ЕЛАГИН. Ну, что там? Интересно?

ТОРОПЕЦКАЯ. "Передайте Елагину, что он более всего должен бояться сыграть результат, к чему его всегда так тянет..."

ЕЛАГИН /потянул письмо/. Где? Где?

ТОРОПЕЦКАЯ /убрала от него лист/. Будете слушать?

ЕЛАГИН. Обязан.

ТОРОПЕЦКАЯ. "Скажите ему, что в оценке вечеринки у генерала, он не должен сразу вздориться с женой полковника, а предварительно обойти стол кругом. У него винокуренный завод, и он ни за что не поздоровается сразу..."

ЕЛАГИН. Не понимаю! Простите, не понимаю! Мне неудобно! Жена полковника перед ним, а он чего-то пойдет... вокруг стола?!

ТОРОПЕЦКАЯ /ледяно/. Вы что, хотите сказать, что лучше понимаете сцену, чем Аристарх Платонович?

ЕЛАГИН. Нет, я этого не говорю... Но я не чувствую... Жена полковника передо мной, а я пошел вокруг стола?

ТОРОПЕЦКАЯ. Я думаю, что в ножки следовало бы поклониться Аристарху Платоновичу, за то, что он из Индии....

ЕЛАГИН /бурчит/. Что это у вас все в ножки да в ножки?!

ТОРОПЕЦКАЯ. Вы лучше послушайте, что дальше.

ЕЛАГИН. Ну, слушаю!...

ТОРОПЕЦКАЯ. "А впрочем, пусть он делает, как хочет. Я приеду, и пьеса станет всем ясна."

ЕЛАГИН /изображая Аристарха Платоновича/. "В сцене ве-

черинки у генерала он не должен сразу здороваться с женой полковника, а обойти предварительно стол. А впрочем, пусть он делает, как хочет." Ха-ха-ха!..

ТОРОПЕЦКАЯ /гневно/. Я попросила бы вас!..

ЕЛАГИН /рванулся к дверям/. Вась, Вась, постой!.. Новый анекдот продам?! /Исчез./

ТОРОПЕЦКАЯ. Ох, уж эти серядняки?! Слышали как разговаривают?

МАКСУДОВ. Кхм... Да, он молодец!..

ТОРОПЕЦКАЯ. Вы все спектакли Аристарха Платоновича смотрели?

МАКСУДОВ. Нет. Я вообще не видел ни одного спектакля.

ТОРОПЕЦКАЯ. Как?! Вы наш драматург, не видели ни одного спектакля Аристарха Платоновича?! /Набирает номер./ Филечка? Бонжур, это Торопецкая. Сейчас к тебе спустится наш драматург. Да, Максудов. Ты его посади на все спектакли Аристарха Платоновича... Никаких он не видел!.. Адъё! /Повесив трубку./ Немедленно идите к Филе, в контору, а то он на похороны уезжает...

МАКСУДОВ. А вдруг возникнут у вас вопросы по тексту?

ТОРОПЕЦКАЯ. Идите, идите, у вас прелестный почерк!..

/Звонок./

Говорите скорей, гражданин, я занята!.. /Машет рукой Максудову, чтоб уходил./ Нет, у меня никаких билетов!..

Сцена пятая

Конторка Филли с полукруглым окошечком, за которым слышны молящие голоса. Перед Филей два телефона.

ГОЛОС. Петухся, помните? В любую цену, цена мне безразлична!

ФИЛИЯ /в одну трубку/. Позвоните завтра в три! /В другую./ Ничего не могу! /Протягивает в окошечко бумажку./ В кассу!

ГОЛОС. Нас восемь человек, мы приехали из Иркутска...

ФИЛИЯ /протягивает бумажку/. Не свободные. /В трубку./ Ничего не могу-с!...

ГОЛОС СТАРУХИ. Зная Иваня Васильевича двадцать восемь лет, я уверена он не откажет мне...

ФИЛИЯ /протянул бумажку/. Дам постоять!

ГОЛОС. Я от Арнольда Арнольдовича...

ФИЛИЯ. Ничем не могу-с!...

ГОЛОС. Но Арнольд Арнольдович говорил...

ФИЛИЯ. Не могу-с! /В трубку./ Позвоните завтра в три!...

ГОЛОС ДАМЫ. Я вчера купила два билета на "Дон Карлоса", положила в сумочку, прихожу домой...

ФИЛИЯ/уже набрал номер/. Бакаалин, потеряны два билета. /В окошечко./ Ряд?

ГОЛОС ДАМЫ. Одиннадцатый...

ФИЛИЯ. В одиннадцатом ряду. Впустить. Посадить. Проверить.

СКАНДАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Так делать не годится! Моему мальчику уже шестнадцать! Нечего смотреть, что он в коротких штанах!

ФИЛЯ. Мы не смотрим кто в каких штанах! По закону дети до шестнадцати не допускаются!

СКАНДАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Нет, позвольте! И тут же рядом со мной пропускают трех малюток в длинные клешах...

ФИЛЯ. Эти малютки были костромские лилипуты.

/К барьеру, отделяющему конторку от фойе,
подходит МАКСУДОВ./

МАКСУДОВ. Простите, меня к вам послала Поликсена...

ФИЛЯ /Максудову/. На диванчике секундочку обождите!...

/Звонок./

Покойник прибыл? Чудно. /В окошечко./ Извините, граждане...

/Не давая закрыться окошечку, просовывается
женская рука./

СЛЕЗНЫЙ ГОЛОС. Вчера я пришла с "Дон Карлоса" домой, а сумочки нет... А там было сто семьдесят рублей и пудреница...

ФИЛЯ /сурово/. Очень плохо, гражданка! Деньги надо держать на сберкнижке, а не в сумочке... Уберите вашу руку!...

СЛЕЗНЫЙ ГОЛОС. У вас нет сердца!...

ФИЛЯ. Чего нет, того нет! /Достал из ящика сумочку и вернул владелице./

СЛЕЗНЫЙ ГОЛОС. О-о! Как я вам благодарна? Вы не можете...

ФИЛЯ. Извините, граждане, у меня покойник. /Захлопнул оконце./

/К барьеру подходит ВЕШНЯКОВА./

ВЕШНЯКОВА. Филя, вы меня совсем забыли, гадкий!..

ФИЛЯ /надевая плащ/. Нон, мадам, энпоссибль!

ВЕШНЯКОВА. Знаете что, моя Дарья сегодня испекла пирожки, приходите ужинать, а?

ФИЛЯ. Авек плезир.

ВЕШНЯКОВА. да, Филенька, чуть не забыла. Одну старушку не можете ли устроить на "Дон Карлоса"? Хоть в ярус?

ФИЛЯ. Портниха?

ВЕШНЯКОВА /ударил его по руке/. Какой вы противный, Филка! Почему непременно портниха? Она вдова профессора и теперь...

ФИЛЯ /доставая блокнот/. ...шьет белье. Записываю на тринадцатое. Белошвейка, Вешнякова, боковой ярус. Миль пардон, мадам. Меня ждет покойник... /Махнул на Максудова./

ВЕШНЯКОВА. Можно я позвоню от вас?

ФИЛЯ. Сделайте одолжение. /Подходит к Максудову./ Товариш Максудов, ваше имя-отчество?

МАКСУДОВ /вставая с диванчика/. Сергей Леонтьевич...

ФИЛЯ /записывает/. Сегодня перед спектаклем, будьте любезны, возьмите на контроле временный пропуск на ваше имя.

МАКСУДОВ. Спасибо, Филимон... не знаю отчества?

ФИЛЯ. Просто Филя.

СТРИЖ /подбегая к барьеру/. Филечка, дьявольская мигрень!

ФИЛЯ/убегая/. Это от пива. Фенацетин в шкафчике!..

ВЕШНЯКОВА /в телефон/. Кабинет заведующего? Ну, как у тебя? А я к нам сегодня Филю пригласила... Ну, неудобно же мне... Что это у тебя голос такой расстроенный? Ты поспи часок. Ну, целую... До вечера...

СТРИЖ /заглотив таблетку из шкафчика, бежит, наталкиваясь на Максудова/. А, Максудов, у меня для вас сюрприз!.. Только не волноваться!

МАКСУДОВ /заволновался/. Что-нибудь плохое?

СТРИЖ. Вы читаете пьесу Ивану Васильевичу!..

МАКСУДОВ /испуганно/. А может быть...

СТРИЖ. Ничего не может быть! Вам надлежит прибыть в Сивцев Вражек в понедельник в двенадцать часов дня! Ровно! /Побежал./

МАКСУДОВ /вдогонку/. А в чем мне идти?

БОМБАРДОВ /из-за спины/. Крахмальный воротничок, галстук, по возможности, синий. Костюм у вас есть?

МАКСУДОВ. Есть. Серый. Но Гавриил Степанович сказал, что он плохо шит?

БОМБАРДОВ. Как шит неважно. Хорошо, что серый. Любимый цвет Ивана Васильевича...

МАКСУДОВ. Но я даже не знаю адреса?

БОМБАРДОВ. Сивцев вражек. Этот особнячок там все знают. Ворота резные, чугунные. С улицы входа нету, а поверните за угол во дворе. Там увидите человека в тулупе, он у вас спросит: "Вы зачем?" А вы ему скажите только одно слово: "Назначено!"

МАКСУДОВ. А если человека не будет?

БОМБАРДОВ. Он будет. Как раз напротив человека в тулупе вы увидите автомобиль без колес...

МАКСУДОВ. Из спектакля?

БОМБАРДОВ. Настоящий, на домкрате. А возле ведра и человека, который моет автомобиль...

МАНСУДОВ. Вы были сегодня у Ивана Васильевича?

БОМБАРДОВ. Я был там месяц назад.

МАНСУДОВ. Так почему же вы знаете, что человек моет автомобиль?

БОМБАРДОВ. Потому что он моет его каждый день.

МАНСУДОВ. А когда же Иван Васильевич ездит на нем?

БОМБАРДОВ. Он никогда на нем не ездит. Куда ему ездить?

МАНСУДОВ. Ну, скажем, в театр?

БОМБАРДОВ. В театр Иван Васильевич приезжает два раза в год на генеральные репетиции, и тогда ему нанимают извозчика Дрыкина.

МАНСУДОВ. Зачем же извозчик, если есть автомобиль?

БОМБАРДОВ. Вы так полаетаете? А если шофер умрет от разрыва сердца за рулем? А автомобиль возьмет да и въедет в окно?

МАНСУДОВ. Позвольте, а если лошадь понесет?

БОМБАРДОВ. Дрыкинская не понесет. Она только шагом ходит.

Напротив автомобиля - дверь. Войдите и подымайтесь по деревянной лестнице. Потом еще дверь. Войдите. Там увидите черную - пречерную печку, возле которой на корточках сидит человек в валенках и длинным ножом шиллет лучину на растопку...

МАНСУДОВ /рассмеелся/. Вы уверены, что он непременно будет и непременно на корточках?

БОМБАРДОВ. Он спросит тревожно: "Вы куда?" и вы скажете...

МАНСУДОВ. Назначено?

БОМБАРДОВ. Угу. Тогда он вам скажет: "Палеццо снимите здесь." Из другой же двери появится тегушка Ивана Васильевича и спросит беспокойно: "Вы зачем?"

МАКСУДОВ /бодро/. И я отвечу: "Назначено".

БОМБАРДОВ. Иван Васильевич первым делом спросит вас, кто был ваш отец. Он был кто?

МАКСУДОВ. Вице-губернатор.

БОМБАРДОВ. Э-э, нет... Вы скажите так: служил в банке.

МАКСУДОВ. Почему я должен врать с первого же момента?

БОМБАРДОВ. А потому что это может его испугать, а вам все равно. Потом он спросит, как вы относитесь к гомеопатии. А вы скажите, что принимали капли от желудка в прошлом году и они вам очень-очень помогли.

ГОЛОС ИЗ ДИНАМИКА. Прощу всех в репетиционный зал!

БОМБАРДОВ /торопливо/. Родились вы в Москве. Насчет Стрижа скажите, что он вам не понравился. Там у вас пьеса начинается с выстрела. Так вы его не читайте!.. /Побежал./

МАКСУДОВ /возмущенно/. Как не читать, когда герой стреляется?

БОМБАРДОВ /на ходу/. Выстрела не читайте! И насморка у вас нет!

МАКСУДОВ /кричит/. Чего у меня нет?

БОМБАРДОВ /пропадая/. Насморка! Насморка!..

Сцена шестая

Прихожая в доме Ивана Васильевна. У черной печки на корточках сидит СТЕПАНЫЧ и кухонным ножом шиплет лучину. Часы бьют двенадцать. Кукует кукушка. Входит МАКСУДОВ.

СТЕПАНЫЧ. Вы куда, гражданин?

МАКСУДОВ. Назначено.

СТЕПАНЫЧ. Пальтецо снимите здесь. Галошки ваши сымайте...

МАКСУДОВ. Я без галош.

СТЕПАНЫЧ. Как же можно-с без галошиков? А вдруг как дождичек? Да и паркетец у нас... дореволюционный...

ТЕТУШКА /из дверей в гостиную/. Вы зачем?

МАКСУДОВ. Назначено.

ТЕТУШКА. На дворе холодно?

МАКСУДОВ. Нет, хорошая погода. Бабье лето.

ТЕТУШКА. Насморка у вас нету?

МАКСУДОВ. Нету.

ТЕТУШКА /впуская в гостиную/. Проходите.

МАКСУДОВ /стучится в открытую дверь/. Можно?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /лорнируя/. Милости прошу. Очень приятно. Присаживайтесь. Нет, нет, сюда, сюда.

МАКСУДОВ. Благодарю. /Сел на краешек стула./

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ваше имя и отчество?

МАКСУДОВ. Сергей Леонтьевич.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Очень хорошо. Ну-с, как изволите пожи-

весь?

МАНСУДОВ. Покорнейше благодарю вас, хорошо.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Простуды не чувствуете?

МАНСУДОВ. Насморка нет.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. А зпоровье вашего батюшки как?

МАНСУДОВ. Мой отец умер.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ужасно! А к кому обращались?

МАНСУДОВ. Кажется... профессор Янковский... Он тоже умер.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Это напрасно. Нужно было обратиться к профессору Плетушкову, тогда бы ничего не было. А еще лучше... гм... гм... гомеопаты... Прямо до ужаса всем помогают... Вы верите в гомеопатию?

МАНСУДОВ. Я лично... хотя многие и не верят...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Напрасно, напрасно. Пятнадцать капель и вы ничего не чувствуете. А ваш батюшка кем был?

МАНСУДОВ. Он служил в... /не смог / вице-губернатором...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /побарабанил пальцами/. Ну-с, приступим!

МАНСУДОВ /откашлялся/. Извините, сейчас...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /тревожно/. Это у вас кашель?

МАНСУДОВ. Нет-нет, не беспокойтесь. Это у меня от волнения... пересохло... Вы знаете, это очень тяжелая вещь...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /недовольно/. Ваша пьеса? Тяжелая?

МАНСУДОВ. Нет. То есть да. Я хотел сказать, что трудно... вот так... читать один на один... Мне никогда не случалось...

/Тихо вошла ТЕТУШКА, неся рюмку. ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ посмотрел на часы, выпил рюмку./

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. И что очень важно, гомоспатия требует величайшей точности... величайшей... Ну-с, продолжайте!..

МАКСУДОВ. "Черный снег", пьеса в трех действиях, тринадцати картинах...

/Зазвонил, стоящий за ширмой телефон./

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Тысячу извинений!.. /За ширмой./ Да, да... Это все шайка работает!.. Приказываю держать все это в строжайшем секрете... Вечером у меня будет один человек и мы разработаем план... Да. Звоните. /Вернулся./ Ну-с, прощу вас. Это мне из учреждения звонили... по важнейшему делу...

МАКСУДОВ. "Черный снег" - пьеса...

/Двери распахнулись. Вбежала ПРЯХИНА и опустилась на колени перед Иваном Васильевичем./

ПРЯХИНА. Я не сойду с этого места, пока не получу защиты, мой учитель! /Перекрестилась./ Бог видит все! Все!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Уходите немедленно!

ПРЯХИНА /театрально зарыдала/. Что я слышу?! Что я слышу?! Неужели мой благодетель гонит меня?! Боже, ты видишь?!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /шипит/. Будьте осмотрительны!

ПРЯХИНА. Нет, я хочу видеть глаза моего учителя, прогоняющего свою преданнейшую ученицу! В то время, как предатель...

ТЕТУШКА /в дверях/. Милочка! Назад! Чужой!

ПРЯХИНА /только сейчас заметив Максудова, убегает/. Господи, господа, за что?! За что?!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну-с, как вам понравилось? Вас, конечно, поражает эта сцена?

МАКСУДОВ. Нисколько.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Это мы репетировали. А вы, наверное, подумали, что это просто скандал? Каково? А?

МАКСУДОВ. Изумительно. Полное ощущение, что это просто скандал!..

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Мы любим... этак... иногда освежить в памяти... какую-нибудь сцену... Гм... Это был этюд! Этюды очень важны!.. Ну-с, жакетсы, мы можем продолжить?

ТЕТУШКА /заглядывая в ивери/. Прощу простить, что прерываю, но Степаныч спрашивает, не надо ли подтопить?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Да, да, очень хорошо. Сырость, сырость... Да, я же вас не представил?! Знакомьтесь, пожалуйста. Тетушка моя, Настасья Ивановна.

МАКСУДОВ/вставая/. Очень, очень приятно. Максудов.

ТЕТУШКА. Как ваше здоровье?

МАКСУДОВ. Благодарю. Я совершенно здоров.

ТЕТУШКА /сядась/. Зачем изволили пожаловать к нам?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Левонтий Сергеевич пьесу мне принес.

ТЕТУШКА. Чью пьесу?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Левонтий Сергеевич сам сочинили пьесу.

ТЕТУШКА /тревожно/. А зачем?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну как...Как зачем? Чтобы... чтобы...

ТЕТУШКА. Разве уж и пьес не стало?! Какие хорошие пьесы есть?! И сколько их?! Начнешь играть - в двадцать лет не переиграешь! Зачем же вам тревожиться сочинять?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Они современную пьесу сочинили!..

ТЕТУШКА /испуганно/. Мы против властей не бунтуем! А "Плоды просвещения", значит, вам не нравятся?

МАКСУДОВ. Отчего же? Хорошая пьеса.

ТЕТУШКА. Очень хорошая! Очень! И Милочке роль ость! Вы Милочку только что видели, как вы находите?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /с деликатным укором/. Тетушка!..

ТЕТУШКА. Ухожу, ухожу, ухожу!.. Поклон вашему батюшке!..

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Батюшка Левонтия Сергеевича умер.

ТЕТУШКА. Царствие небесное. Он, чай, не знал, что вы пьесы сочиняете?

МАКСУДОВ. Не знал.

ТЕТУШКА. А отчего он умер?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Не того доктора пригласили. Сергей Левонтьевич... /Поправился./ Левонтий Сергеевич рассказал мне эту горесную потерю...

ТЕТУШКА. Беда, беда...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Кота придется высечь!

ТЕТУШКА /уходя/. Я скажу Степанычу!..

МАКСУДОВ /ужасаясь/. Кота сечь?! Зверя?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. А вы его не защищайте! Это не кот, а бандит! Утром порвал чудную тклевую занавеску! Пропала к черту занавеска! Нас вообще бандиты одолели! Уж и не знаем, что делать?! Продолжим!

МАКСУДОВ. "Черный снег" - пьеса в трех действиях, тринадцати картинах. Действие первое. Картина первая. Ночь. Луна. Мост. На мосту стоят Бахтин и Петров. Бахтин: "Ну, прощай! Очень скоро ты придешь за мною!.. Петров бросается к нему. Петров: "Что ты делаешь? " Бахтин стреляет себе в висок, падает...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Зачем это? Это надо вычеркнуть немедленно секунды...

МАКСУДОВ. Но Бахтин должен кончить самоубийством?!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Пусть кончит. Но, помилуйте, зачем же стрелять? Пусть заколется кинжалом!..

МАКСУДОВ. Но, видите ли, дело происходит в гражданскую войну. Кинжалы уже не применялись...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Нет, применялись! Мне рассказывал... этот... как его? Забыл... Вы вычеркните этот выстрел. Читайте!

МАКСУДОВ. Вдали послышалась гармоника и отдельные выстрелы...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Боже мой?! Опять выстрелы? Что за бедствие такое?!

МАКСУДОВ. Но ведь идет гражданская война?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну и пусть себе идет. Прекрасно, что идет. Знаете что, вы вообще эту первую картину вычеркните! Она лишняя! Тем более, у вас в пьесе тринадцать картин... Нехорошее число!..

МАКСУДОВ. Но ведь эта сцена - завязка всего конфликта?!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Форменное заблуждение! Этой картины вовсе не нужно. Ваш этот, как его?

МАКСУДОВ. Бахтин?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну да, ну да... Вот Бахтеев закололся... там вдали... А приходит домой другой и говорит матери...

МАКСУДОВ. Какой матери? Никакой такой матери нет!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Нужно обязательно! Вы напишите мать!.. Это нетрудно! Сперва кажется, что трудно - не было матери и вдруг она есть? Но это заблуждение, это легко... И вот старушка рыдает дома, а который принес известие... другой, как его?

МАКСУДОВ. Петров?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну да, ну да... Подойдет Петров и скажет...

МАКСУДОВ. Куда подойдет?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. К матери, Левонтий Сергеевич, к матери! И скажат - вот Петя закололся и перед смертью сказал то-то и то-то... Ну, что - вы лучше меня знаете! Сильная будет сцена!

МАКСУДОВ. Но ведь потом на мосту массовая сцена? Там столкнулись массы?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ни в коем случае! Ужасно, когда они на сцене сталкиваются! Вам любой скажет! Пусть они, сколько угодно, за сценой сталкиваются! Вот Стриж нам пьеску т о ж е до- ставил, удружил, можно сказать. "Стенька Разин" называется.

Я приехал в театр, окна были раскрыты, издали еще слышу - грохот, свист, крики, ругань, и, вообразите, палят из ружей. Вот вам маосы!..

МАКСУДОВ. Но ведь в те времена как раз и были сабли, кинжалы.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Я думал - бунт в театре. Оказывается, это Стриж репетирует. А ну как этот Стриж спалит театр? Ведь меня по голове не погладят?! Я его спрашиваю, вы что же хотите, чтобы меня самого расстреляли? Ну, что же вы не читаете?

МАКСУДОВ. "На мосту появился человек с винтовкой..."

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /рассердился/. Какой вы все-таки... упрямый человек, Левонтий Сергеевич?! Теперь у вас "человек с винтовкой"?! Хорошо-с! Хорошо-с! Я вам покажу! /Идет к дверям./ Я вам сейчас покажу! Степаныч! Степаныч!..

СТЕПАНЫЧ /заглядывает с ножом в руках/. Звали, ваше степенство?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /шипит/. Сколько раз тебе твердить, чтоб ты не называл меня так?!

СТЕПАНЫЧ. Виноват, память стала...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот, как раз... Дай-ка, сюда!.. /Берет нож./ Вот смотрите! /Выставляет Степаныча./ Как умирает несчастный?! /Резко всаживает в себя нож, падает замертво./

МАКСУДОВ /от души/. Bravo! Bravo! Удивительно! Ничего подобного я в жизни не видел?! Вы не ушиблись? Вам помочь? /Поднял руку Ивана Васильевича и отпустил — она упала как у мертвого./ Иван Васильевич? /В ужасе./ Заколотся?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /встает, доволен/. Вот именно, что заколотся!.. А вы говорите не применялись? Применялись. и будут применяться!.. Ну-ка, а теперь вы!

МАКСУДОВ. Что я? Зачем это?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Попробуйте вы! /Протягивает нож./ Вы мне еще спасибо скажете! Как же вы хотите писать, что Бахтеев заколотся...

МАКСУДОВ. Я не хочу...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Нужно обязательно! /Вкладывает нож в руки Максудову./ Беретесь за ручку двумя руками... Нет, нет, непременно двумя... Так закалывались римские патриции... Нашу-пываєте сердце... Нашли?

МАКСУДОВ. Нашел.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Так... Все должно быть как в жизни... Нет, так не пойдет! Мышцы напряжены, вы себе не верите! /Поправляет позу Максудова./ Острием прямо в сердце. Распустите мышцы, ослабьте их!.. Вот так... А голова, голова? Совершенно не естественная голова! Теперь резко надавите на ручку! И в последний

момент убираете лезвие под мышку и только ручка ножа торчит!
Ну?

/МАКСУДОВ неуклюже прячет нож под мышку./

А падать за вас кто будет?

/МАКСУДОВ нехотя ложится на пол./

Ну-с, для первого раза совсем недурно!.. /Увлекается./ Еще разок!..

МАКСУДОВ /взмолился/. Увольте, Иван Васильевич!..

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, хорошо, хорошо!.. Вы свободны!..

МАКСУДОВ. А пьеса?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Какая пьеса? Ах да!.. Пьеса... Я вижу, что, вы человек твердых принципов!.. Вам можно открыть тайну? Только об этом никто не должен знать! Даете слово?

МАКСУДОВ. Даю.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Одна замечательная артистка с великим для себя риском прочла вашу пьесу прямо в стане врага, темной ночью, и рассказала мне всю вашу пьесу. Сыграла, лучше сказать! И чудно, знаете, сыграла?! Так вот. У вас там есть сестра?

МАКСУДОВ. Сестра есть.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ее вам надлежит превратить в мать!

МАКСУДОВ /вскакивает с ножом/. Ее в мать?!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /кричит/. Степаныч!

СТЕПАНЫЧ /заглядывая/. Звали, ваше.../Осекся./

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Степаныч, забеги свой нож!

СТЕПАНЫЧ /забирая нож/. Подтопить не надо ли?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Подбрось, голубчик, подбрось. Сыро как-то. /Максудову./ Вы превращаете сестру в мать, и матери будет, скажем, лет пятьдесят... Так? И звать ее будут... Антониной!..

МАКСУДОВ /разбито/. Это невозможно. У сестры есть жених.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну и что? И у матери есть... Впрочем, зачем матери жених?

МАКСУДОВ. Конечно, у матери жениха быть не может!..

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Значит, у Антонины и не будет жениха!..

МАКСУДОВ /отчаянно/. Но ведь жених - это целая роль?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /барабанит пальцами/. Так, так, так...

Я вижу вас это не увлекает... Вот бы вам какую пьесу сочинить... Колоссальные деньги можете заработать в один миг!..

Глубокая психологическая драма! /Вдохновенно./ Будто бы в некоем царстве живет артистка...

МАКСУДОВ /изумленно/. В царстве?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну да, ну да... /Заколебался./ А где же еще? Такая психологическая, знаете ли... притча, именно притча!.. И вот шайка врагов ее травит и жить не дает! А она только воссылает моления за своих врагов...

МАКСУДОВ. Богу воссылает моления, Иван Васильевич?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Богу? Гм... гм... Нет, богу вы не пишете! Не богу, а искусству! Именно искусству!.. А преследует ее шайка! А главарь шайки... некий... волшебник... Черномор! Именно Черномор! Вы напишите, что он в Африку уехал и передал власть некоей даме... Икс! Именно Икс! Ужасная женщина! Сидит за конторкой и на все способна! Она да еще ужасный злодей Стриж! То есть... Стриж не пишете!.. Просто один режиссер... Как вам сюжетец?

МАКСУДОВ. Увы, я просто далек от артистического мира...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. А вы его изучите! Это очень легко!
У нас в театре такие персонажи, что только любуйтесь на них!
Так и ждешь, что он или сапоги стянет из уборной... или финский
нож вам в спину всадит!.. Ну, ладно! Вы мне оставьте ваш эк-
земпляр пьесы!

МАКСУДОВ. Зачем он вам?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Я подумаю над ним... Насчет жениха и
прочих ваших несообразностей! /Встаёт./ Вы же, со своей сторо-
ны, немедленно приступайте к работе! Немедля! Обещаете?

МАКСУДОВ. Обещаю.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Степаныч!..

СТЕПАНЫЧ /заглядывая/. Слушаю, ваше степенство!..

Тьфу!..

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Проводи гостя к самым воротам!

СТЕПАНЫЧ /пропуская Максудова/. Проще-с!..

/Сцена кончается./

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена седьмая

Мансарда Максудова. МАКСУДОВ комкает очередной лист бумаги, встает из-за стола, ножом как у Степаньча отрезает себе кусок хлеба, запивает из чайника, стоящего на керосинке.

МАКСУДОВ. Ничего нет хуже, товарищи, чем малодушие и неуверенность в себе. Они-то и привели меня к тому, что я засомневался, уж не надо ли, в самом деле, сестру-невесту превратить в мать? Не может же быть, чтобы Иван Васильевич говорил так зря? Ведь он понимает в этих делах? И я стал переписывать. Но сознаюсь откровенно, получалась какая-то белиберда!.. Самое главное, я возненавидел эту непрощенную мать Антонину настолько, что как только она появлялась на бумаге, я стискивал зубы, чтобы писать дальше. Даже самые букочки ее имени казались отвратительными букашками, расползающимися по листу. Волшебная коробочка не звучала. Цветные фигурки не шевелились на столе. Перед глазами вставала коробка сцены Независимого Театра и по ней гулко шагала огромная мать Антонина, иноходью, выставляя вперед верхнюю и нижнюю левые конечности, а затем таким же макаром правые! Ну конечно, ничего и выйти не могло! Героев своих надо любить! Если этого не будет, не советую никому братья за перо — вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте!

/Стук в дверь./

Да?

СЕМЕНОВНА. Сергей Леонтьевич?

МАКСУДОВ /спешно выключает свет/. Что вам, Семеновна?

СЕМЕНОВНА. Вы что же это?

МАКСУДОВ /открывая дверь/. А что такое?

СЕМЕНОВНА. Опять у вас ночью светик горел?

МАКСУДОВ. Так точно, горел.

СЕМЕНОВНА. Электричество по ночам жечь не полагается.

МАКСУДОВ. Именно для ночей оно и предназначено.

СЕМЕНОВНА. Люди по ночам спят, а счетчик-то обший! Накладно выходит!.. У всех темно, а от вас свет идет!..

МАКСУДОВ. У меня темно от пяти до двенадцати вечера...

СЕМЕНОВНА. Чем это некоторые по ночам занимаются?

МАКСУДОВ. Я печатаю червонцы. Фальшивые.

СЕМЕНОВНА. Вы не смейтесь. У нас домком есть для причесанных дворян. Нам, рабочим, эти писания не надобны, знаете ли?

МАКСУДОВ. Бабка, продающая тягучки на Смоленском, скорее частный торговец, чем рабочий.

СЕМЕНОВНА. Вы тягучек не касайтесь!.. Мы в особняках не жили!.. Надо будет на вас на выселение подать!.. В народный суд!..

МАКСУДОВ. Кстати, о суде. Если вы, Семеновна, еще раз начнете бить Щурку по голове, и я услышу крик истязуемого ребенка, то дам вам слово причесанного дворянина, я подам жалобу в суд!..

/По коридору приближается БОМБАРДОВ./

СЕМЕНОВНА /елейно/. Батюшки?! Товарищ Бомбардов?! Неужели это вы?!

БОМБАРДОВ /привычно/. Да-да, это я. Вы позволите ?

СЕМЕНОВНА. Проходите, проходите!.. Надо же?! Собственной персоной?! Товариш Бомбардов?! А вы, Сергей Леонтьевич, раз уж к вам такие гости ходят, то, пожалуйста, жгите ночью..

МАКСУДОВ. Благодарствую. /Закрывает за Бомбардовым./
Петр Петрович, вы потрясающий человек! Я не спрашиваю, как вы меня нашли, но моего воображения не хватает, чтобы понять откуда вас знает моя соседка? Могу прозакладывать голову, что о существовании Независимого Театра она никогда не слышала...

БОМБАРДОВ. Очень просто. Сейчас во всех кинотеатрах идет фильма с моим участием. А вы не менее потрясающий человек. "Смерть комиссара", неужели не слышали?

МАКСУДОВ. Каюсь, не слышал.

БОМБАРДОВ. По сценарию Агапенова, вся Москва только и толкует об этой фильме. Перед вами воскресший комиссар.

МАКСУДОВ. Сегодня же обязательно пойду и посмотрю.

БОМБАРДОВ. Смотреть, как раз, не обязательно. Обязательно слышать!.. А у вас неуютно. Вам бы нужно жениться на какой-нибудь симпатичной, нежной женщине или девице.

МАКСУДОВ. Этот разговор уже описан Гоголем. Не будем же повторяться!.. Присаживайтесь! Хотите чаю?

БОМБАРДОВ. Нет, благодарю. Я на минутку перед репетицией. Ну-с, зачем вы прочитали выстрел? Ведь я же предупредил?

МАКСУДОВ. Но подумайте, подумайте, Петр Петрович, как же не читать?! Как же не читать выстрел?!

БОМБАРДОВ. Ну вот и прочитали. Пожалуйста.

МАКСУДОВ. Позвольте. /Берет нож./Как по-вашему, что это?

БОМБАРДОВ. Кухонный нож. У меня дома такой же.

МАНСУДОВ. Это кинжал, которым и должен оборвать свои дни мой герой, офицер! А невеста должна стать матерью!..

БОМБАРДОВ /в шутку/. Через сколько месяцев?

МАНСУДОВ. Иван Васильевич, вероятно, полагает, что через несколько дней. Он сказал мне, что это очень легко. Ну и как?

БОМБАРДОВ. Бред! Вот и нужно было не спорить, а отвечать так: очень вам благодарен за ваши указания. Нельзя возражать Ивану Васильевичу, понимаете вы или нет?

МАНСУДОВ. То есть как это? Никто и никогда не возражает?

БОМБАРДОВ. Никто и никогда не возражал, не возражает и возражать не будет!

МАНСУДОВ. А если он скажет, что мой герой должен уехать в Пензу? Или что эта мать Антонина должна повеситься? Или что эта печка черного цвета? Что я должен ответить на это?

БОМБАРДОВ. Что эта печка - черного цвета.

МАНСУДОВ. Какая же она получится на сцене?

БОМБАРДОВ. Белая с черным пятном.

МАНСУДОВ. Что-то чудовищное, неслыханное!

БОМБАРДОВ. Ничего, живем.

МАНСУДОВ. Неужели Аристарх Платонович не может ничего ему сказать?

БОМБАРДОВ. Аристарх Платонович не может ему ничего сказать, так как Аристарх Платонович не разговаривает с Иваном Васильевичем с тысяча восемьсот восемьдесят пятого года.

МАНСУДОВ. У меня кружится голова. Как же стоит театр?

БОМБАРДОВ. Стоит, как видите, и прекрасно стоит. Они разграничили сферы. Если, скажем, Иван Васильевич заинтересовался

вашей пьесой, то к ней уже не подойдет Аристарх Платонович, и наоборот. Стало быть, нет той почвы, на которой они могли бы столкнуться. Это очень мудрая система.

МАКСУДОВ. Господи! Ведь нельзя же иметь дело с человеком, который никого не слушает?!

БОМБАРДОВ. Нет, он слушает! Он слушает Гавриила Степановича и тетюшку Настасью Ивановну. Если же кто-либо другой, кроме указанных лиц, вздумает повлиять на Ивана Васильевича, он добьется только того, что Иван Васильевич поступит наоборот.

МАКСУДОВ. Хорошо. Я понял и считаю положение безнадежным. Раз для того, чтобы моя пьеса пошла на сцене, ее необходимо искорректировать так, что в ней пропадает всякий смысл, то и не нужно, чтобы она шла! Я не хочу, чтобы публика, увидев как человек двадцатого века, имеющий при себе револьвер, закалывается кинжалом, тыкала бы в меня пальцем!..

БОМБАРДОВ. Она бы не тыкала! Потому что не было бы никакого кинжала! Ваш герой застрелился бы как всякий нормальный человек!

МАКСУДОВ. Не постигаю, не постигаю.

БОМБАРДОВ. Если бы вы вели себя тихо, согласились бы и с кинжалами, и с Антониной, то не было бы ни того, ни другого!..

МАКСУДОВ. Но как это может быть?

БОМБАРДОВ. Мне пора. Бывают сложные машины, но театр - самая сложная машина на свете...

МАКСУДОВ. А теперь, значит, все погибло?

БОМБАРДОВ. Трудновато, трудновато... Правда, по некоторым признакам Иван Васильевич готовит совещание в театре со

старейшинами...

МАНСУДОВ. А вы не могли бы сказать, какие это признаки?

БОМБАРДОВ. Извозчик Дрыкин второй день чистит и моет свою пролетку карболкой... Вы не волнуйтесь - вас пригласят!

МАНСУДОВ /испуганно/. Я не пойду.

БОМБАРДОВ /в дверях/. Пойдете!

МАНСУДОВ /жалобно/. Ну, что я там скажу?

БОМБАРДОВ. Скажете, если, конечно, вам предложат, благодарю за указания и непременно постараюсь выполнить в точности!

МАНСУДОВ. Я так не умею...

БОМБАРДОВ /уходя/. Репетируйте перед зеркалом!

МАНСУДОВ /в зеркало/. Благодарю вас за указания, Сергей Леонтьевич, и непременно постараюсь выполнить их в точности!..

Сцена восьмая

Фойе Независимого Театра. Прощаются за руку ЛИКОСПАСТОВ и КНЯЖЕВИЧ.

ЛИКОСПАСТОВ. ...и в самое ближайшее время собрать прямо тут у вас в Независимом лучшие драматургические силы страны!..

КНЯЖЕВИЧ. Непременно, непременно соберем!..

ЛИКОСПАСТОВ. А то, что же это получается?! Независимый — единственный из всех театров не поставил ни одной пьесы, достойно отображающей нашу эпоху?! Неужели не создадим такую пьесу если навалимся всем миром, понимаешь?

КНЯЖЕВИЧ /тщась вытащить руку/. Пора, давно пора!..

ЛИКОСПАСТОВ. Я уже третий акт кончаю... Егор Нилыч напишет... У него быстро... Клинкер даст развернутую панораму гражданской войны под Касимовым...

КНЯЖЕВИЧ. Да, да, такая пьеса нам просто позарез...

ЛИКОСПАСТОВ. А то, понимаешь, занимаетесь тут враждебным нам прошлым... темными вихрями... Ты, Антон, кстати, пока Иван Васильевич в театре, воспользуйся... Сразу после обсуждения "Черного снега" и выступи с предложением собрать лучших драматургов...

КНЯЖЕВИЧ. Конечно, а как же?!

ЛИКОСПАСТОВ /на бумажку в левой руке Княжевича/. Что это у тебя?

КНЯЖЕВИЧ /освободил правую/. Да вот телеграмма от Аристар-

ха Платоновича...

ЛИКОСПАСТОВ/потянулся к бумажке/. Можно?

КНЯЗЕВИЧ /наизусть/. "Телом Калькутте, душой с вами."

ЛИКОСПАСТОВ. Ну, вот видишь?! Вот видишь?! И Аристарх Платонович поддерживает?!

КНЯЗЕВИЧ. Ты прости, мне еще надо галоши Ивану Васильевичу принести...

ЛИКОСПАСТОВ. А, ну-ну!... Это дело, это дело!...

КНЯЗЕВИЧ /убегая/. Низайший поклон Егору Нилычу!...

ЛИКОСПАСТОВ. Передам!

/Появляется МАКСУДОВ./

МАКСУДОВ. Ликоспастов, ты как тут?

ЛИКОСПАСТОВ. Нехорошо, брат, плохо! Тебя, как я вижу, гордыня совершенно обуяла? Ты думаешь, один ты пьесы пишешь?

МАКСУДОВ. Нет, конечно. Извини... Я не то хотел сказать...

ЛИКОСПАСТОВ. Ты все-таки не Софокл! И не Лопе де Вега...

МАКСУДОВ. Разве я виноват, что у них в репертуаре Софокл, Лопе де Вега и я?

ЛИКОСПАСТОВ. Конечно, в общественности эта афиша вызвала волнение! Меня уже многие расспрашивали! Кто да откуда? Огорчает афишка-то!..

МАКСУДОВ. Да ведь не я же сочинял ее?!

ЛИКОСПАСТОВ. Афишку-то напечатали, а Ивану Васильевичу пьеска не понравилась, не понравилась!..

МАКСУДОВ. Откуда это известно?

ЛИКОСПАСТОВ. Слухом земля полнится. У нас в доме портни-

ха живет, Ступина Анна. Она была у Настасьи Ивановны, тетушки Ивана Васильевича. Настасья Ивановна ей рассказывала. Не понравилось, говорит, Ивану Васильевичу. Ну, а Иван Васильевич, он, брат, дело подсчитывает. От него не скроешься. Ну, а раз ему не нравится, стало быть, пьеска не пойдет. Да ты еще и надерзил Ивану Васильевичу?!

МАКСУДОВ. Я надерзил?!

ЛИКУСПАСТОВ. Расстроил его. Он тебе советы стал подавать, а ты, в ответ, сказала портниха, фырк, фырк!.. Не пошину берешь!.. Не такая уж ценность твоя пьеска, чтоб фыркать... Вот и выгорит, что останешься ты с афишой на руках! Вот тебе и Софокл! Я, брат, двадцать пять лет пишу, однако, вот в Софоклы не попал?!

МАКСУДОВ /не стерпел/. А может не попал, потому что ты писал плохо?

ЛИКУСПАСТОВ /завопил/. Ах, вон как ты заговорил?! Вон когда ты обнажил свое подлинное лицо?! Мы, значит, все пишем плохо, а ты хорошо? /Пятится от него./ Таким нет места среди пролетарских писателей! /Раскатиисто./ Позор! Позор! Пусть! земля горит под ногами губернаторских сынков! /Убирается./

/Появляется КНЯЖЕВИЧ, неся в каждой руке по галоше./

КНЯЖЕВИЧ. А-а, товарищ Максудов? Милости просим, милости просим! Мы вас давно поджидаем!.. Извините.../Кивает на галоши./ Не могу подать вам руки!.. Вот сюда, пожалуйста, сюда!..

Сцена девятая

Кабинет Ивана Васильевича. В кресле за столом сам хозяин кабинета. По правую руку от Ивана Васильевича с блокнотом в руках ЛЮДМИЛА СЕЛИВЕРСТОВНА. Слева — ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Вдоль стен расселись старейшины, из которых поименно выделим Герасима Николаевича, Ипполита Павловича да Маргариту

Павловну, которой тоже упадетя вставить словечко. В стороне стол, покрытый белоснежной скатертью, уставленный нарядными бутылками, тарелками с пирожными, вазочками с вареньем.

КНЯЖЕВИЧ, став на колени, помогает Ивану Васильевичу надеть галоши.

КНЯЖЕВИЧ. Притопните, Иван Васильевич!.. Еще разик! Еще! Не беспокоит?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /сидя, потопав/. Нет, нет, чудесно!..

Наделись!.. Спасибо! /Вставая навстречу Максудову./ Ну... Леонтий...

КНЯЖЕВИЧ /подсказывает/. Сергей Леонтьевич.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Да, да... да... Как поживаете?

МАКСУДОВ. Здоров совершенно. Простуды нет.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Не прикажете ли закусить чего-нибудь?

МАКСУДОВ /изумлен/. Закусить?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Может быть, угодно пообедать?

МАКСУДОВ. Нет, благодарю.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Прощу без церемоний. Мы подождем!..

МАКСУДОВ. Благодарю, я обедал.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. А может быть, какие-нибудь напитки?

Ситро? Нарзану? Клюквенного морсу? /Почмокал./

МАКСУДОВ /давая ярость/. Благодарю! Я не хочу!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Тогда может быть, пирожное возьмете? Вот. Чудное. С розочкой. /Почмокал./ Наш буфетчик Ермолай Иванович настоящий кудесник, не правда ли, друзья?

ВСЕ /зашевелились в креслах/. О, да! Да-да-да!.. Конечно! Кудесник... Истинный кудесник... Истинный... И - стин-ный...

ПРЯХИНА /записывает в блокнот/. ...кудесник.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Если угодно, маг! Просто маг!

ПРЯХИНА /бормочет, пишет/. Просто маг!

ВСЕ. Да, да... Маг, именно что маг! Конечно, маг! Воистину!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Актеры его обожают!.. Ермолай Иванович в самое отчаянное время весь театр спас... поголовно... от голода! Осетриной...

МАКСУДОВ /хрипло и зло/. Какого копчения?

ВСЕ /охотно/. Горячего, горячего... Горячего копчения!..

МАРГАРИТА ПАВЛОВНА /видимо, слегка глуховата/. Нет, нет, я отлично помню, что осетрина была холодная...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Горячего копчения была осетринка...

ПРЯХИНА /пишет/. ...осетринка горячего копчения.

ГЕРАСИМ НИКОЛАЕВИЧ. Ну! Я же сразу сказал!..

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Иначе мы бы все погибли от голодной смерти! До единого человека! Что поделаешь - наступала новая жизнь!

МАРГАРИТА ПАВЛОВНА. Так есть хотелось, что жить не хотелось!

ПРЯХИНА /пишет/. ...наступала новая жизнь!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Антон Антонович, вероятно, следует пригла-

свить сюда Ермолая Ивановича и представить его Леонтию...

КНЯЗЬЕВИЧ. Сергей Леонтьевич уже побывали в нашем буфете... Не правда ли, Сергей Леонтьевич?

МАКСУДОВ. Правда.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Прекрасно. Значит, вам какое пирожное?

МАКСУДОВ. Я не хочу! Спасибо!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /обиженно/. Напрасно, напрасно... Ермолай Иванович известен на весь мир своими пирожными!.. Вот Герасим Николаевич может подтвердить... Герасим Николаевич у нас крупнейший знаток театральной жизни Запада...

ГЕРАСИМ НИКОЛАЕВИЧ /скромно/. Какой я теперь знаток?!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Как же, Герасим Николаевич?

ГЕРАСИМ НИКОЛАЕВИЧ. Раньше я, бывало, ездил за границу каждый год, ну и, натурально, был в курсе всего, что делается во Франции, в Германии... Да что Франция?! В Америку заглядывал с целью изучения театральных достижений... А сейчас? /Махнул рукой./ Отстал, безнадежно отстал...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /огорченно/. Так вы подайте заявление да и съездите!

ГЕРАСИМ НИКОЛАЕВИЧ. Ни в коем случае! Не такое теперь время, чтобы заявления подавать!.. Неужели я допущу, чтобы из-за меня государство тратило ценную валюту?! Лучше пусть инженер какой-нибудь съездит или хозяйственник...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Какое величайшее самопожертвование?! В то время, как кто-то за тридевять земель наслаждается индийскими гробницами?! /Максудову./ Вот о ком надо трагедии создавать!..

ПРЯХИНА /пишет/. Вот о ком надо трагедии создавать...

ГЕРАСИМ НИКОЛАЕВИЧ. Кстати, о пирожных. Помнится, как-то мы собрались у Пручевина. И приезжает сюрпризом великий князь Максимилиан Петрович... Мы обхохотались!.. Вы Пручевина, ведь знаете, Иван Васильевич?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Я знаю Пручевина. Величайший жулик. Он родную сестру донага раздел... /Вдруг заметил./ Что же вы стоите, почтеннейший...

КНЯЗЕВИЧ. Сергей Леонтьевич...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Да, да!.. Именно Сергей Леонтьевич!

Пожалуйте в кресло!

МАКСУДОВ /оглядевшись и не найдя свободного места/. Благодарю вас.

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ /достав откуда-то круглый табурет от рояля/. Вот, пожалуйста. Можно сделать повыше, можно пониже... /Крутанул взад-вперед сиденье табуретки./ Как вам удобнее...

МАКСУДОВ. Спасибо, спасибо. Мне все равно. /Сел./

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну-с, приступим. Кто желает высказаться?

/Долгое молчание./

Антон Антонович?

КНЯЗЕВИЧ /удивленно/. Вы хотите, чтобы я?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Нет, нет... Не будете ли вы так любезны, передать мне вон ту вазочку?

КНЯЗЕВИЧ. Эту? С малиновым?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /укоризненно/. Мне ведь еще домой ехать?!

Как же я после малинового-то домой, Антон Антонович?! После малины надо сразу укутаться и в кровать! Нет уж, пожалуйста, мне дары вишневого сада...

КНЯЖЕВИЧ /подавая вазочку/. Запомню, Иван Васильевич. Прощу прощения.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /достав из нагрудного карманчика завернутую в салфетку серебряную ложку, пробует варенье./ Ну-с, так кто же начнет?

ИПОЛИТ ПАВЛОВИЧ. Я скажу. Только позвольте сначала выпить наизусть? /Наливает стакан. Выпивает. Наливает второй. Выпивает./ Ваш роман... Сергей Леонтьевич, очень... очень... хорош... В нем... э-э-э... как бы это выразиться? /Наливает стакан. Выпивает./ Роман исполнен, э-э-э... психологической глубины... необыкновенно верно очерчены персонажи...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /поедая варенье/. Именно, именно!..

ИПОЛИТ ПАВЛОВИЧ. Что же касается описания природы... э-э-э... звездные ночи... Потом это шумящий Днепр... э-э-э... Как выразился Гоголь... Чуден Днепр, вы помните? А душистые гроздья акации? Все это сделано у вас мастерски. В особенности впечатляет это описание роши... серебристых тополей листы... Ну, вы помните?

МАРГАРИТА ПАВЛОВНА. Как не помнить? Как не помнить? У меня до сих пор эти картины ночи на Днепре... когда мы ездили в поездку...

ГЕРАСИМ НИКОЛАЕВИЧ. Кстати, о поездке. Препикантный случай вышел тогда с генерал-губернатором Дукасовым. Вы помните его, Иван Васильевич?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /недовольно/. Помню. Страшнейший обжора.

Но продолжайте, Ипполит Павлович!.. /Ест варенье./

ИППОЛИТ ПАВЛОВИЧ. Ничего, простите, кроме комплиментов...
э-э-э... по адресу вашего романа сказать нельзя! Но вы меня,
простите, сцена... сцена имеет свои законы!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Именно, именно! У сцены особые законы!

ПРЯХИНА /пишет/. У сцены особые законы!

ИППОЛИТ ПАВЛОВИЧ. Вам не удалось в вашей пьесе передать
весь аромат вашего юга. Роли оказались психологически недооче-
рчены!... /С обидой./ Особенно роль главного героя! И я не
знаю... Ее играть нельзя! Просто нельзя! Простите за прямоту,
простите! /Сел./

МАНСУДОВ /в изумлении озираясь, крутанул на табуретке/.
Это какое-то недоразумение! Простите, но в моем романе нет ни
акаций, ни шумящего Днепра, ни, простите, аромата юга!.. И по-
чему, в таком случае, я должен передавать этот, простите аро-
мат в пьесе?

ИППОЛИТ ПАВЛОВИЧ. Нет, ну как же? Я помню... Возможно, я
выглядел излишне поэтически? /С опаской./ Разве у вас в рома-
не нет пейзажей?

МАНСУДОВ. Пейзажи есть.

ИППОЛИТ ПАВЛОВИЧ /победно/. Ну, вот? А дело-то происхо-
дит на юге?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Дело не в том, что есть в романе. Дело
в том, что есть в пьесе!..

ИППОЛИТ ПАВЛОВИЧ. И я про это. А в пьесе ничего этого
нет!..

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Хорошо. Кто еще желает высказаться?

КТО-ТО /после томительного молчания/. Эхо-хо... Эхо-хо...

РОВИЧ? ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы хотите сказать, Федор Владими-

КТО-ТО. Нет. Пока нет.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. А может быть, вам что-нибудь угодно?

МАКСУДОВ /оглядывается за спину, крутится на табуретке/. Мне?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Не угодно ли вам что-нибудь сказать?

МАКСУДОВ/встав с табуретки, зашатался, снова сел/. Насколько я понял, пьеса моя не подошла?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Нет, зачем же так говорить?! /В волнении забыв завернуть ложечку в салфетку, клает ее в карманчик./ Нет, мы дружественно говорим вам, дружественно, что играть вашу пьесу — это значит причинить вам ужасающий вред... ужасающий...

МАКСУДОВ. Я правильно вас понял, играть мою пьесу — причинить мне вред?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Да. В особенности, если за нее примется Фома Стриж... /Княжевичу./ Проверьте!

КНЯЖЕВИЧ /выглянул из кабинета/. Нет!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Если примется Стриж... /Пряхиной./ Этого не записывайте! Если примется Стриж, вы уважаемый...

КНЯЖЕВИЧ. Сергей Леонтьевич...

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы сами будете жизни не рады и нас проклянете!..

МАКСУДОВ /встал/. В таком случае, я прошу вернуть мне пьесу!

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. Позвольте! У нас договорчик!

МАКСУДОВ /закашлялся, чувствуя удушье/. Но ведь... но ведь ваш театр не хочет играть? Зачем она вам? /Кашляет./

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ /тревожно/. У вас простуда?

МАКСУДОВ. Не беспокойтесь, это у меня улущье!..

ИППОЛИТ ПАВЛОВИЧ. Неужели вы ее понесете в театр Шлиппе?

МАКСУДОВ. А как мне быть?

ИППОЛИТ ПАВЛОВИЧ. Ну, что они там наиграют? Ну, будут ходить по сцене бойкие офицерики? Кому это нужно?

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ. На основании существующих законоположений ее нельзя отдавать ни в театр Шлиппе, ни в какой-либо другой театр Москвы! У нас договорчик!..

МАКСУДОВ /задыхаясь/. Простите, я не понимаю. У меня голова кругом идет! Вы играть мою пьесу не хотите, а между тем, говорите, что в другой театр я ее отдать не могу?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. Мы хотим спасти вас от страшного вреда...
/Княжевичу./ Посмотрите!

КНЯЖЕВИЧ /выглянув за дверь/. Нет.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ. От вернейшей опасности, караулящей вас за углом!..

МАКСУДОВ. Но где же выход? /Страшно закашлялся./

КНЯЖЕВИЧ /поспешно провожает Максудова к дверям/. Сюда, сюда, пожалуйста! Вот выход!

/МАКСУДОВ, кашляя, уходит./

Сцена десятая

Мансарда МАКСУДОВА. МАКСУДОВ с кухонным ножом в руке крадется по комнате, пролезает под столом. Внизу играют вальс.

МАКСУДОВ. Я поклялся себе вообще не думать о театре, но клятва эта, конечно, нелепая. Думать запретить нельзя. А Независимый Театр будто умер. Никаких известий от него не приходило. Зато волшебная коробочка снова зазвучала. Стали появляться картинки!.. Только, прямо сказать, странные!.. Так например, мне казалось, что внизу притон курильщиков опиума... И даже складывалось нечто, что я мысленно развязно называл "третьим действием". Именно - сизый дым, женщина с ассиметричным лицом, какой-то фляжничек, отравленный дымом... /Крадется по комнате./ И подкрадывающийся к нему с финским отточенным ножом человек с лимонным лицом и роскошными глазами... /Ударяет по воздуху ножом./ Удар ножом! Поток крови! Бред, как видите?! И куда отнести пьесу, в которой подобные картинки? Да я теперь и не записываю придуманное!.. Возникает вопрос, почему человек закопавший самого себя, потерпевший одну крупную неудачу за другой, да еще и меланхолик, это-то я понимаю, не беспокойте, почему человек, который понял, что писать пьесы и не играть их -- невозможно, почему он не лишает себя жизни?

/Стук в дверь./

Не заперто!

БОМБАРДОВ /маша бумажкой/. Что это такое?

МАКСУДОВ. Телеграмма. У вас нет телефона, и я позволил себе посылать : вам телеграмму...

БОМБАРДОВ. Нет, что это значит? "Приходите поминки"?

МАКСУДОВ. Петр Петрович... Вы... вы единственный человек в мире... Сказать правду, у меня даже глаза... зачесались...

БОМБАРДОВ. А я уж, грешным делом, представил...

МАКСУДОВ. Ну что вы, что вы? Неужели бы я стал звать вас на собственные поминки?! Такое годится разве только для сатирического романа...

БОМБАРДОВ. Значит, будем поминать вашу пьесу? Мне нравится эта мысль. А чем?

МАКСУДОВ. Есть напареули, ветчина, маслины...

БОМБАРДОВ. Святая троица! /Распахнулась дверь и в комнату с тарелкой блинов вошла СЕМЕНОВНА./

СЕМЕНОВНА /ставя на стол/. Вот-с, товариш Бомбардов, ваши любимые блинчики! А тут растопленное масло - поливать будете!.. И вы, Сергей Леонтьевич, скушайте блинок!..

БОМБАРДОВ. Весьма. Весьма кстати. Благодарствуем!

МАКСУДОВ. Спасибо!

СЕМЕНОВНА. Кушайте, кушайте, товариш Бомбардов, пока горячие! /Вдохнула./ Везет же некоторым!.. Пойду Шурке нажарю!.. /Ушла./

МАКСУДОВ. Опять тайна. Откуда ей известно, что блинчики любимы вами?

БОМБАРДОВ. Присаживайтесь к столу, Сергей Леонтьевич. А вы так и не посмотрели агапеновскую фильму?

МАКСУДОВ. Увы, сил нет выйти из дому!..

БОМБАРДОВ. Там есть сцена, где я поглощаю горку блинов...

МАКСУДОВ. Ах, вон как?! /Разливает вино./ Я теперь успо-

коился, и желаю только одного, знать, что это было?

БОМБАРДОВ. Ну-с, ничего особенного не было. Было совещание Ивана Васильевича со старейшинами Тетра.

МАКСУДОВ. Так-с. А кто это была другая дама помимо Людмилы Селиверстовны?

БОМБАРДОВ. Маргарита Павловна Таерическая. Известна тем, что покойный Островский в тысяча восемьсот восьмидесятом году, поглядев на игру Маргариты Павловны, она дебютировала, сказал: "Очень хорошо."

МАКСУДОВ. Так-с, очень хорошо. А скажите, Петр Петрович, что за должность у Княжевича?

БОМБАРДОВ. Вы бы, кажется, должны знать. Княжевич заведующий приемом пьес.

МАКСУДОВ. А я думал, что он заведующий гарперобом. Галоши подает...

БОМБАРДОВ. А вам разве не известно, что театр начинается с вешалки?

МАКСУДОВ. Известно. Но если бы кому-то вдруг вздумалось спросить у меня, то я бы внес небольшую поправку в эту максимум!...

БОМБАРДОВ /жуя/. Какую же?

МАКСУДОВ. Театр начинается с виселицы!

БОМБАРДОВ. Ну вот, а говорите, что успокоились. Вкусные блины в самом деле, пробуйте...

МАКСУДОВ. Спасибо. /Берет блин./ Петр Петрович, сознаюсь вам -мне очень тяжело! Неужели моя пьеса так плоха?

БОМБАРДОВ. Ваша пьеса -хорошая пьеса. И точка!

МАКСУДОВ. Почему же, почему же произошло все это странное и страшное для меня в кабинете? Пьеса не понравилась им?

БОМБАРДОВ. Прекрасное вино напареули! /Чокнулся с Максудовым./ Все произошло именно потому... /Пьет./ Что она им понравилась! И понравилась чрезвычайно!

МАКСУДОВ. Но Ипполит Павлович...

БОМБАРДОВ. Больше всего она понравилась именно Ипполиту!...

МАКСУДОВ. С ума можно сойти! У меня от его слов до сих пор голова кругом идет! Аромат юга?! Говорите, говорите...

БОМБАРДОВ. Пьеса понравилась до того, что вызвала даже панику!.. Отчего все и стряслось! Наметили распределение ролей, на главную роль назначили Ипполита Павловича...

МАКСУДОВ /заорал/. Но позвольте!..

БОМБАРДОВ. Ну да, ну да, Ипполиту Павловичу шестьдесят один год, а главному герою?

МАКСУДОВ. Двадцать восемь!

БОМБАРДОВ. Вот, вот. Ну те-с, как только старейщинам разослали экземпляры пьесы, то и передать нельзя, что произошло. Не бывало у нас этого в театре за все пятьдесят лет существования!.. Они просто все обиделись!..

МАКСУДОВ. На кого?

БОМБАРДОВ. На автора, понятно. В самом деле, мы основоположники, ищем, жаждем ролей, рады были бы показать все наше мастерство в современной пьесе и... здравствуйте, пожалуйста! Приходит серый костюм и приносит пьесу, в которой действуют мальчишки. А самому младшему из основоположников Герасиму Николаевичу - пятьдесят семь.

МАКСУДОВ /снова заорал/. Я вовсе не претендую, чтобы мою пьесу играли основоположники! Пусть ее играют молодые!

БОМБАРДОВ. Ишь ты, как ловко! Пусть, стало быть, Аргунин, Галин, Елагин, Стренковский выходят, кланяются?! Браво! Бис!... Ура! Смотрите, люди добрые, как мы замечательно играем! А основоположники, значит будут сидеть и расстерянно улыбаться... Значит, мол, мы не нужны уже? Значит, нас уж может в богадельню? Ловко!...

МАКСУДОВ. Все понятно! Все понятно!

БОМБАРДОВ. Чего уж тут не понять? Ведь Иван Васильевич сказал же вам, что нужно невесту переделать в мать!

МАКСУДОВ. Ах, вот откуда такие сюжеты?!

БОМБАРДОВ. А вы как думали?! Тогда эту мать играла бы Маргарита Павловна или Настасья Ивановна...

МАКСУДОВ. Я не ослышался? Вы сказали Настасья Ивановна? Тетушка Ивана Васильевича?

БОМБАРДОВ. Вы не театральный человек!... Поймите, лишь только вы сели перед ним и прочли название, он уже перестал слушать вас. Он соображал о том, как распределить роли, чтобы основоположники могли разыграть вашу пьесу...

МАКСУДОВ. Одно только скажите, кого они хотели назначить на роль Анны?

БОМБАРДОВ. Естественно, Людмилу Селиверстовну!...

МАКСУДОВ. Что-о-о?! Эту? Да вы смеетесь?!

БОМБАРДОВ /невинно/. А что такое?

МАКСУДОВ. Сколько ей лет?

БОМБАРДОВ. А вот этого, извините, никто не знает!...

МАКСУДОВ. Анне девятнадцать лет! Де-вят-нац-цать!... Но

даже не это главное! Главное то, что она не может играть!..

БОМБАРДОВ. Анну-то?

МАКСУДОВ. Не Анну, а вообще ничего не может!

БОМБАРДОВ. Позвольте! Москвичи утверждают, что она играла прекрасно... в свое время...

МАКСУДОВ. Врут ваши москвичи! Она изображает плач и горе, а глаза у нее злятся! Она смеется, а у меня мурашки в спине, будто мне нарзану за рубашку налили!.. Она не актриса!..

БОМБАРДОВ. Однако! Она тридцать лет изучает теорию Ивана Васильевича о воплощении...

МАКСУДОВ. Не знаю этой теории! Во всяком случае, ей теория не помогла!

БОМБАРДОВ. Вы, может быть, скажете, что и Иван Васильевич не актер?

МАКСУДОВ. А, нет! Нет! Лишь только он показал, как Бахтеев... /Плюнул./ Тьфу, дьявол!.. Как Бахтин закололся, я ахнул! У него глаза мертвые сделались! Таким же вот ножом!.. Он упал и стеклянные глаза неподвижно в упор смотрели на меня!.. Жуть!.. Мне даже захотелось закрыть ему веки! Как можно великого певца узнать по одной фразе спетой им, так и я понял, что Иван Васильевич величайшее явление на сцене! Я только решительно не могу понять, что он говорит по содержанию пьесы?!

БОМБАРДОВ. Все мудро говорит.

МАКСУДОВ/показывая нож/.И. кинжал мудро?

БОМБАРДОВ. Я служу в нашем театре десять лет, и мне говорили, что единственный раз выстрелили у нас в тысяча девятьсот первом году. И то крайне неудачно! Ну, пока шли простые ре-

репетиции, помощник изображал выстрел, хлопая в ладоши, а на генеральной выстрелил по-всамделишному. Ну, Настасье Ивановне и сделалось дурно - она ни разу в жизни не слыхала выстрела!.. И с тех пор выстрелы прекратились!..

МАНСУДОВ. А как же пьеса? Которую репетировали?

БОМБАРДОВ. Сделали изменение. Герой не стрелял, а замалчивался, стоя возле клумбы, лейкой и кричал: "Убью тебя, негодяй!", отчего, по мнению Ивана Васильевича, пьеса только выиграла...

МАНСУДОВ. А автор? Что же автор?

БОМБАРДОВ. Автор? Не помню его фамилию, известный впрочем, бешено обиделся на театр. Но Иван Васильевич остался тверд!

МАНСУДОВ. И с тех пор он все выстрелы в пьесах переделывает?

БОМБАРДОВ. Зачем же переделывать? Он просто такие не ставит!

МАНСУДОВ. Вы скажите мне, скажите, зачем в таком случае, если пьеса никак не расходуется у них, они не хотят, чтобы я отдал ее в другой театр?

БОМБАРДОВ. Хорошенькое дело. Очень интересно нашему театру, чтобы рядом поставили новую пьесу, которая, по-видимому, может иметь успех?! С какой стати?! Ведь вы же подписали договор, что не отдадите пьесу в другой театр?

МАНСУДОВ. Будь он проклят!

БОМБАРДОВ. Договор?

МАНСУДОВ. Гавриил Степанович!

БОМБАРДОВ. Орел! "Парит неподвижно"...

МАНСУДОВ. И ведь какой тихий?! Все о душе толкует...

Значит все? Погребение состоялось?

БОМБАРДОВ /чокнулся с рюмкой Максудова/. Не стану вас обманывать! Пьеса не пойдет! /Выпил, закусил./ Но вдруг...

МАКСУДОВ. О, это проклятое слово!

БОМБАРДОВ. Какое?

МАКСУДОВ. "Вдруг". Я ночью в себе неодолимый страх перед этим словом! Я боюсь его так же, как слова "сюрприз", как слов "вас к телефону", "вам телеграмма"...

СЕМЕНОВНА /входя без стука/. Вам письмо!

МАКСУДОВ /со страхом берет конверт/. Спасибо, Семеновна!

СЕМЕНОВНА /Бомбардову/. Кушайте, на здоровье!.. Я еще принесу! /Уходит./

МАКСУДОВ. Это, наверное, официальный отказ. Прочтите!..

БОМБАРДОВ /берет конверт/. Правильно, конверт наш!
/Читает./ Дорогой Сергей Леонтьевич... /Замолчал./

МАКСУДОВ. Не мучьте!..

БОМБАРДОВ. Дорогой Сергей Леонтьевич! Немедленно в Театр! Завтра начинаю репетировать "Черный снег"... в двенадцать часов дня!.. Ваш Фома Стриж."

МАКСУДОВ. Как же это?

БОМБАРДОВ. Этого даже я не пойму! Никто не поймет! И даже никогда не узнает! Думаю, что это сделал Стриж. Но как он это сделал - неизвестно, ибо это выше человеческих сил! Короче - это чудо!

МАКСУДОВ. Значит, Стриж чудотворец?

БОМБАРДОВ. Нет, пожалуй, чудотворец тот, кто смог написать такую пьесу!..

Сцена одиннадцатая

Кресла партера Независимого Театра. Полутьма. В проходе между рядами режиссерский столик, освещенный маленькой лампой. В сторонке, с края сидят МАКСУДОВ и БОМБАРДОВ. Стучат молотки.

ГОЛОС. Вань, дай желтый!..

МАКСУДОВ. Разве можно делать такие чудовишные антракты на репетициях? Актеры же остывают?

БОМБАРДОВ. У Ермолая Ивановича в буфете тепло...

ГОЛОС. Гнобин, дай назад! Стоп, стоп... Вперед...

МАКСУДОВ. Вы знаете, Петр Петрович, жизнь моя изменилась до неузнаваемости. Как будто и комната у меня стала другая, как будто и люди, окружающие меня, стали иными...

БОМБАРДОВ. И я стал иной?

ГОЛОС. Вань, добавь желтого!..

МАКСУДОВ. И вы, и вы, друг мой единственный!..

ГОЛОС. Рампу дал!

МАКСУДОВ. Мысли мои прикованы только к пьесе!.. Она заполняет все мое время, даже сны...

БОМБАРДОВ. Интересно, вам снится пьеса или спектакль?

МАКСУДОВ. Спектакль, только спектакль!..

БОМБАРДОВ. Спектакль имеет успех?

МАКСУДОВ. Она снилась мне снятой с репертуара, снилась провалившейся... Но иногда, реже, снится имеющей огромный успех!.. Только сцена, сама сценическая коробка, где-то далеко,

далеко... И публика почему-то сплошь в спортивных костюмах и теннисных туфлях.

/К Максудову решительно направляется РОМАНУС./

БОМБАРДОВ /шепчет/. Этот человек спасен! Опасен по-серьезному! Молчите! Молчите во что бы то ни стало!..

РОМАНУС/садится рядом с Максудовым/. Как вам это нравится? А?

/МАКСУДОВ молчит./

Нет, вы будьте добры, скажите ваше мнение? Оно, тем более интересно, что вы писатель и не можете относиться равнодушно к безобразиям, которые у нас происходят? А?

/МАКСУДОВ молчит./

БОМБАРДОВ. Сергей Леонтьевич, вы хотели в буфет? Идемте!..

РОМАНУС. Вы не успеете! Антракт кончается. /Максудову./

Ударить концертмейстера и, тем более, женщину тромбом в спину?! Нет! Это дудки! Я тридцать пять лет на сцене, но такого еще не видел! Стриж думает, что музыканты свиньи и их можно загонять в закуту?! Как это с писательской точки зрения?

МАКСУДОВ /не смог отмолчаться/. А что такое?

РОМАНУС. Ах, вы не знаете? Стриж затолкал музыкантов в карман сцены, где играть нет никакой возможности! Вы спрашиваете почему? Я вам отвечу! Первое - тесно. Второе - темно.

Третье: -в зале не слышно ни одного звука! И четвертое - мне, дирижеру, стоять негде! Музыканты меня не видят! Не удивительно, что тромбонист гкнул в темноте концертмейстера Еву Евгеньевну в спину так, что... рентген покажет чем это кончится! Ребра можно ломать не в театре, а в пивной, где, впрочем, некоторые

и получили свое артистическое образование!.. Вы писатель и по вашим глазам я вижу, что вы прекрасно понимаете, что навряд ли Стриж...

МАНСУДОВ /пытаясь отмежеваться/. Позвольте...

РОМАНУС /трясет его руку/. Спасибо! Огромное спасибо за поддержку от имени писательской общественности!.. /По проходу на сцену движутся темные силуэты актеров Независимого./ Спасибо! /На весь зал./ А то ведь у нас могут заставить играть музыканта, подвесив его кверху ногами к выносному софиту! Благо Иван Васильевич не появляется в театре!..

ЕЛАГИН /проходя мимо/. Давай, Оскар, давай!.. Ты ему все выскажи, все!..

РОМАНУС /еще выше голос/. Театру придется заплатить за искрошенное ребро Евк Евгеньевны!..

ЕЛАГИН /Максудову/. Новый анекдот хотите продать?

БОМБАРДОВ. Да ты уже рассказывал!

ЕЛАГИН. Нет, другой! Про любовника, который в шкафу на-
нюхался духов? Знаете?

МАНСУДОВ. Знаю.

ЕЛАГИН. Стриж идет! Сейчас начнется бой быков!..

СТРИЖ /руки рупором/. Лишних попрошу со сцены!

РОМАНУС. Фома!

СТРИЖ /игнорируя его/. Где Бобылев?

ГОЛОС. Обедает.

СТРИЖ. Немедленно дайте тревожный звонок! /По театру за-
звенел звонок./

РОМАНУС. Фома! Я категорически протестую против наси-
лия над музыкантами!..

СТРИЖ. Какого насилия? /Руки рупором./ Продолжаем со слов: "Я тебя вызову на дуэль!"

РОМАНУС. Если у нас ставятся пьесы, больше похожие на оперы... /Спохватился./ Что и правильно... Ибо наш автор понимает все значение музыки в театре! То я прошу отвести оркестру место, где он мог бы играть!

СТРИЖ. Ему отведено место. В кармане.

РОМАНУС. В кармане? А может быть, лучше в суфлерской будке?

СТРИЖ. Сам же сказал, что в трюме играть нельзя?

РОМАНУС /взвизгнул/. В трюме? Я повторяю, что нельзя!..

СТРИЖ. Не вижу Стренковского!..

ГОЛОС. Тут я. Шпора отвалилась.

РОМАНУС. И в чайном буфете нельзя, к твоему сведению!..

СТРИЖ /треснул по столику/. Попрошу на меня не кричать!

РОМАНУС. Это ты кричишь!

СТРИЖ. Бобылев явился?

ГОЛОС. Я уже двадцать минут здесь!

ЕЛАГИН /подзуживая/. А актеры, что хуже, что ли, музыкантов? Ты, Фома, обрати внимание на этот факт!..

СТРИЖ. Я режиссер Независимого Театра, а если кто хочет музыкантов на сцену высаживать, то пусть отправляется в Экспериментальный!.. /Руки рупором./ Галин, Аргунин, начинайте!..

РОМАНУС. Между прочим, я уже научил Еву Евгеньевну что делать. Она подает заявление в местком! Так и знай! Мы, слава богу, живем в Советском государстве, у нас ребра членам профсоюза ломать не приходится! /Победно подняв голову, уходит./

СТРИЖ. Елагина не вижу.

ЕЛАГИН. И не слышу.

СТРИЖ. Почему в вале, а не на сцене?

ЕЛАГИН. Я же не занят в этой картине.

СТРИЖ. Все равно. Дыши атмосферой за кулисами...

ЕЛАГИН /проходя на сцену/. Я там пылью дышу...

СТРИЖ. Рапиры принесли?

ГОЛОСА. Принесли, принесли... Вот они!..

МАНСУДОВ. Какие рапиры, Тома Сергеевич? В пьесе нет никаких рапир?

СТРИЖ. Как это нет?! Как это нет?! /Тычет в рукопись./
Кто это написал, я или вы?

МАНСУДОВ /заглянул/. Я тебя вызову на дуэль? Это?

СТРИЖ. Именно.

МАНСУДОВ. И что из этого следует?

СТРИЖ. Как что? Дуэль.

МАНСУДОВ. Если это шутка, то она тяжеловата...

СТРИЖ. Вот запись в режиссерской книге. "Здесь будет дуэль." Видите? Иван Васильевич лично просматривали. Вот видите: одобряю. И подпись. Узнаете?

МАНСУДОВ. Ну, хорошо, хорошо! Пусть дуэль. Пусть сто дуэлей! Но при чем здесь рапиры? Откуда во время гражданской войны рапиры?! Это же бред! Бред!..

СТРИЖ. А вы неблагодарный человек, Сергей Леонтьевич! Вы что же, хотите поссорить меня со стариком окончательно?! Вам разве не известно, что Иван Васильевич...

МАНСУДОВ /в отчаянии/. Известно, известно!..

СТРИЖ. Так что попрошу, чтобы через недельку оценка бы-

ла набросана... /Забыв о драматурге./ Не слышу звона клинков!..
Галин, Аргунин, к бою!..

ГОЛОС. А что мы должны говорить?

СТРИЖ. Временно деретесь на собственном тексте! /Хлопнул
в ладоши./ Начали!

ГОЛОСА /под звуки скрепящихся рапир/. Я убью тебя,
негодяй! От негодяя слышу!

СТРИЖ /подсказывает/. Сам ты негодяй!

ГОЛОСА. Сам ты негодяй! Я? Я актер Независимого Театра,
а не кинохалтурщик! А ты, а ты... бездарь!..

МАНСУДОВ. Петр Петрович, где я? Что происходит?

БОМБАРДОВ. Вы в зрительном зале Независимого Театра. С
одной стороны происходит простая репетиция, а с другой, как
мы с вами знаем, совершается чудо!..

Сцена двенадцатая

Мансарда Максудова. Хозяин в одежде спит на диване при невыключенной лампочке. Тихо во сне смеется, просыпается.

МАКСУДОВ. Никогда в жизни не видел такого прелестного сна!.. Громадный зал во дворце, и будто бы я иду по залу. В подсвечниках дымно гряд свечи, тяжелые, жирные, золотистые... Одет я странно, ноги обтянуты трико... Нет, какая прелесть?

/Смеется./ А на поясе у меня кинжал... Я правитель, но прелесть не в этом, а именно в кинжале, которого явно боятся придворные при шпагах... Вино так не может опьянить, как этот кинжал! И улыбаясь, я бесцумно проскальзываю мимо придворных...

/Встал с дивана, попил воды из чайника./ Увы, я не правитель и даже не член профсоюза! И у меня нет кинжала! /Вспомнил, в отчаянии./ А у них есть рапиры!.. Не раз за последние ночи я грозился самому себе оторвать руку за то, что я эту трижды проклятую фразу написал. /Грозит себе в зеркало./ Я тебя вызову на дуэль! Какие картинки?! Какая коробочка?! Что вы?! Похоже, что она вообще поломалась. Нет, товарищи, героев своих, мало любить! Их надо защищать! Все! Долой постыдное малодушие! Навсегда! Долой!

/Стук в дверь./

Не заперто!..

СТРИЖ /влетая/. Прошу извинить за столь раннее вторжение...

МАКСУДОВ /железно/. Дуэли не будет!

СТРИЖ /удивлен/. Вы уже знаете?

МАКСУДОВ/чуя беду/. Что именно?

СТРИЖ. Что ваша пьеса запрещена к представлению?

МАКСУДОВ /еле выговорил/. Иван Васильевич?

СТРИЖ. Ну, что вы? Что вы? Разве старик когда-нибудь запрещал? Он может советовать или не советовать... Может действительно не советовать! Но запрещать - никогда! Не так воспитаны-с!...

МАКСУДОВ. Аристарх Платонович вернулся? Он?

СТРИЖ. А вы разве не знаете, кто у нас запрещает?

МАКСУДОВ. Знаю. Все.

СТРИЖ. Главрепертком. Главный репертуарный комитет.

МАКСУДОВ /потихоньку уходя от мира сего/. За: что?

СТРИЖ. Они никогда этого не объясняют. Просто три слова.
"К представлению не разрешена."

МАКСУДОВ. Четыре.

СТРИЖ. Что четыре?

МАКСУДОВ. Слова. Считается четыре слова... если читать телеграмму...

СТРИЖ. Телеграмму? Кому?

МАКСУДОВ. Кому? Да, кому? Мельпомене, больше никому!..
/Кричит./ Что же вы не кричите?

СТРИЖ /вздрогнул/. Я? Что с вами, Сергей Леонтьевич?
Успокойтесь!...

МАКСУДОВ /тихо/. Ясным утром, в Москве, человека утащили сзади финским ножом... при молчаливо стоящей публике... Ви-
сят - плывет гражданин в своей крови и молчат...

СТРИЖ. Ну, разве так можно?! С кем из нас не было?!

МАКСУДОВ. Карта убита!

СТРИЖ. Если хотите знать, у меня четыре спектакля так

и не увидело света рампы! И ничего - жив!

МАКСУДОВ. А у меня одна пьеса - и я мертв! Писатель Максудов Сергей Леонтьевич исчез, как пятак в пружу! Где писатель? Нету! И никогда не было!

СТРИЖ. Напрасно вы так, напрасно! В вас бьется крепкая драматургическая жилка!..

МАКСУДОВ. Игра окончена! Колоду пора складывать, свечи тушить!..

СТРИЖ. А знаете, что бы я сейчас сделал на вашем месте?

МАКСУДОВ. Не знаю.

СТРИЖ. Немежденно! Немежденно после моего ухода засел бы за новую пьесу!.. Так сказать, наш ответ Керзону!.. Что-нибудь этакое!.. Ну, сами знаете... вроде агапеновских вещей... Но только о вашем даровании! Именно с вашим! А? Кстати, об Агапенове... /Посмотрел на карманные часы./ Говорят, он весьма нечужденно переделал в пьесу свой сценарий... Оригинально, правда? Я как раз должен к нему забежать, забрать экземпляр!.. Мужайтесь, Сергей Леонтьевич! Мужайтесь! /Потрел его по плечу./ И тешитесь!.. Что касается меня, то вы знаете, я сделал все что мог...

МАКСУДОВ. Гораздо больше!

СТРИЖ /тронут/. Спасибо, спасибо. В мире, где царит черная неблагодарность, так резко встретишь благодарного человека! Спасибо еще раз! Пишите же, пишите, дорогой Сергей Леонтьевич!.. И всю вашу грядущую продукцию прямо со стола несите к нам в театр! /Пропатая./ И никаких Экспериментальных театров!..

МАКСУДОВ /похочит к твери, закрывает на крючок/. Войдут, галдеть будут... хоронить не на что... В пятом этаже, в этой жалкой камерке, без картин на стенах... Неприличная смерть!.. Хорошо умирать на чиотом, тушистом белье... или уж в поле... Уткнешься головой в землю, починмут, повернут лицом к солнцу, а у тебя глаза уж стеклянные...

/Взял нож, обнажил зальстье./ Где тут траматургическая жидка?

Эта, по-вичимости? Самая голубая... Разве так вскрывають велм?

Выпивають шампанского, наливають теплую ванну, сачаются в воду и острым кинжалом... Нетаром он мне приснился?! /На нож./

А это что? Фу, мерзость!.. Весь пол зальет кровью... Не по-тойти... /В зеркало./ Испугался? А что тебя жлет? Грязный

коридор, гнусная уборная, крики замученного Шурки? Очурающаяся ежедневная тоска, от которой гниет кровь?! Нет, нет, нет!

Лучше умереть оразу, чем быть замурованным в этих фанерных стенах! Как же я забыл урок Ивана Васильевича?! Не истекать

меленно кровью на грязном полу, а оразу в сердце!.. Сердечная вам благодарность, Иван Васильевич! Вы оказались правы!

Применялись и будут применяться! /Приставляет нож к сердцу./

Берем двумя руками... так? Только уж извините, ручка будет торчать не из-под мышек, а из груди... Извините!.. Зато голова естественная, неправа ли? Не хуже, чем ваш Бахтеев!..

А на прощанье осмелюсь возразить, Иван Васильевич, никаких таких особых законов сцены не существует. А если и существуют,

то я сразу понял и сцену, и все ее мельчайшие тайны!

Значит, главным-главно, еще, может быть, и не потившись... я уже мечтал, я смутно тосковал

о сцене. /Кричит./ И вот я пришел! Я новый! Я новый! Вы все

тут притерпелись, а мой взгляд свеж и остер! Я новый! Я

неизбежный! Я пришел! /Закалывается, валится на пол./

/Торопливо похлопывает дверям Бомбардов./

БОМБАРДОВ /стучит/. Сергей Леонтьевич, это Бомбардов!

СЕМЕНОВНА. Здравствуйте, Петр Петрович!

БОМБАРДОВ. Здравствуйте! /Стучит./ Сергей Леонтьевич, Сергей Леонтьевич!... /Семеновне./ Вы не видели, он не вышел?

СЕМЕНОВНА. Куда им идти? Некуда! Видите в щелку - свет горит?! Заснули, а свет забыли выключить... Сколь уж разов...

БОМБАРДОВ /плечом бьет в дверь/. Сергей Леонтьевич, откройте!..

СЕМЕНОВНА. Дозвольте я, Петр Петрович?

БОМБАРДОВ. Вы? Как?

СЕМЕНОВНА. Шурка вот этак же, напрашивается, закроется от меня на крючок, а я его и опрокину вот этак... /Концом ложки поддевает в щель крючок и опрокидывает его./ Хотите!

БОМБАРДОВ /входя/. Чужая сердце!

СЕМЕНОВНА /кружит по комнате/. Батюшки, караул! Это ясным-то утром... при зажженной лампочке... /Щелкает выключателем./ Гражданин зарезался?!

БОМБАРДОВ /становится на ^{колени} /переч мартвым/. Нет, Сергей Леонтьевич, у вас глаза не стеклянные, у вас - хрустальные!... /Закрывает ему веки./

З а н а в е с

Автор ВИНОВАТОВ Леонид Аркадьевич,

118648, Москва, Северное Чертаново,
г. 4, корп. 409, кв. 831. Тел. 319-32-88.

Заказ 936 Тираж 50 26/XI-1990 г.
Типография ВААП.

2-95

ОБЩЕСТВО
БАЛТИЙСКОЕ

1890 г.

Зак. 806

Тизграфон БААН

Тор. 50